

Ева Рош

ТРИ ГРАЦИИ, ХУДОЖНИКИ И ЛИС

Так себе герои. Том 1

18+

Ева Рош

**Так себе герои. Три
грации, художник и Лис**

<https://litres.ru/74408333>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как найти себя в мире, где гораздо безопаснее казаться, чем быть?

Трем грациям, циничному арт-дилеру и уличному художнику с фиолетовым монстром в подсознании предстоит разбиться вдребезги, чтобы собрать себя заново.

Вас ждет интеллектуальный дарк-роман, где власть и контроль сталкиваются с искренностью и бунтом. Готовьтесь к эмоциональным качелям: от уютных посиделок с кофе до предательств, ломающих жизнь.

Первая книга саги «Так себе герои».

Содержание

Инструктаж перед погружением	5
Вне рамок и провенансов	7
Пролог. Разорванный диптих	8
Глава 1. Натюрморт с убитой совестью, или Почему райские водопады заглушают крики грешников	13
Глава 2. Синдром Стендаля на встречной полосе, или Как отличить вандализм от шедевра, пока желудок планирует убийство	25
Глава 3. Гастрономический десант в «Le Papillon», или О пользе отсутствующих мужей и вреде присутствующих матерей	39
Глава 4. Репортаж с уровня бордюра, или Как конвертировать ушибленное бедро в личный номер владельца Майбаха	54
Глава 5. Синдром мистера Дарси, или Почему идеальные мужчины пахнут большими деньгами и еще бóльшими проблемами	65
Глава 6. «Форсаж» для самых маленьких, или Почему ПДД бессильны перед женщиной, которая решила, что нашла судьбу	82
Глава 7. Искусство молчания, или Как сохранить лицо, когда тебя везут как ценный груз, но	92

игнорируют как собеседника

Глава 8. Сценарий «Красотки» для фотографов, 99
или Как продать свои принципы за полный
комплект Canon

Глава 9. Побег из Гринвича, или Почему быть 114
личным водителем для эгоиста приятнее, чем
надеждой династии Вандербильтов

Глава 10. Приватность ценой в состояние, или 131
Тот неловкий момент, когда твой «мистер Икс»
оказывается с обложки Forbes

Ева Рош

Так себе герои. Три грации, художник и Лис

Инструктаж перед погружением

Здравствуй, читатель. Я – Ева. Спасибо, что заглянул! Но перед тем, как окунуться во вселенную «Так себе героев», лови **честный** гайд по выживанию:

Пункт 1. Если ты любишь досматривать перформанс до финальных титров и не имеешь предубеждений – милости прошу. Надеюсь, Лис не разочарует своей игрой. Но имей в виду, он не любит, когда его кусают. ##

Пункт 2. Если у тебя зуд от использования ИИ в творчестве, но есть здоровый интерес – залетай и прихвати антигистамин (Циник бы, конечно, посоветовал цианид, но я же Ева, а не Агата Кристи). ##

Приятного прочтения (или же эвакуации – выбор за тобой!)

Яблок нет. Совесть сперла Миллер.

P.S. История начиналась как интерактивная новелла **Chapters**. Весь путь – от игровых скринов до финальных иллюстраций и рукописи – я показываю на своей кухне, читай:

телеграм-канале. Заглядывай за кулисы: [@evas_kitchen](#)

Вне рамок и провенансов

Эту книгу я посвящаю всем «так себе героям», ищущим свой подлинник в мире идеальных подделок.

Пролог. Разорванный диптих

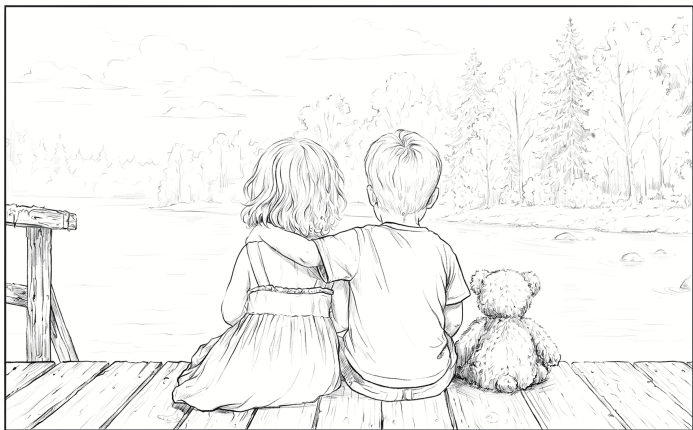
Конец августа в Паунд-Ридж пах мокрой древесиной, увядающей травой и надвигающейся осенью. Кэти Миллер лежала на старом деревянном мосте, раскинув руки, и смотрела в бледнеющее вечернее небо. Доски под спиной еще хранили остатки дневного тепла, но от реки уже тянуло сырым, пробирающим до костей холодом.

Вода внизу шумела ровно и монотонно, а мысли возвращались к образам, застывшим в античном зале Метрополитен-музея. Мраморный барельеф. Диоскуры. Кастор и Полидевк, близнецы из греческих мифов.

Экскурсоводы любили рассказывать их историю: когда смертный Кастор погиб в бою, бессмертный Полидевк умолял Зевса лишить его вечной жизни. Он не хотел существовать в мире, где больше не было его половины. Боги пошли на сделку: отныне братья проводили полгода в царстве мертвых, а другие полгода – на Олимпе.

В детстве Кэти считала эту историю красивой сказкой, но позже сочла ее издевательской ложью. Боги не заключают сделок. Когда твоя половина умирает, никто не делит с тобой Олимп или ад. Тебя просто оставляют стоять на земле с оторванной половиной души, и ты учишься жить за двоих.

Китти и Томми были диптихом – картиной, написанной на двух створках, соединенных общими петлями.

«...процесс психологического замещения... обретают целостность», – доносился из кабинета отца мягкий голос психотерапевта. Маленькая Кэти сидела на полу в коридоре, прижавшись ухом к щели под дверью. Китти не понимала этих сложных взрослых слов, но ей казалось, что родители решили, что она сломана, и обсуждают, как ее починить.

Починить? Чушь. Ты навсегда остаешься левой створкой с вырванными петлями, на которых ржавеет память.

Кэти закрыла глаза, ощущая, как ветер усиливается и треплет светлые волосы. В заводи раздался плеск, и ей показалось, что в шелесте камышей прозвучало едва уловимое: «*Kumtti...*».

Она резко открыла глаза и села. Никого. Только журчание

воды и пустой мост. Миллер поднялась, отряхнула джинсы и, бросив последний взгляд на темнеющую реку, направилась в сторону дома.

Поднявшись в свою старую комнату, она рухнула на кровать. Перевернулась на живот и выудила из тумбочки потерянный блокнот. Каждый год, прежде чем оставить лето позади, она писала отчет тому, кто навсегда остался пятилетним, но для кого она упрямо продолжала придумывать взрослую жизнь.

Кэти подтянула блокнот к себе, щелкнула ручкой и быстро застрочила:

«Привет, Томми.

Это снова я. Пишу в спешке, через час должна быть на хайвее. Родители приедут сюда, как только я вернусь в город, папа хочет тишины, а мама – заняться садом. Так что дом не будет пустовать.

Прошлый год был... нормальным. Я все еще в Spectator. Учусь кусаться и делать зубастые репортажи. Пока получается больше похоже на сплетни, чем на первую полосу Times, но я не сдаюсь.

Кстати, Джессс возвращается. Ты бы видел ее сообщения – в них столько восклицательных знаков, что у меня рябит в глазах. Пак не поменялась. Все еще верит в единорогов и корейский стритфуд. А Софи... Софи все так же пытается вылечить мир, а я держу ее инструменты для лоботомии наготове на случай, если она окончательно решит, что

капитан — ее судьба.

Знаешь, Томми... на наш день рождения я купила тебе мотоциклом Sena. Последняя модель. Он стоит в твоей комнате, в таунхаусе родителей. Иногда я представляю, как ты заваливаешься ко мне в лофт и говоришь: Эй, Кэт, погнали прокатимся, сегодня отличный закат.

В общем, жизнь идет. Я в порядке. Честно. Ношу косуху, ругаюсь с редактором, пью слишком много кофе и делаю вид, что знаю, куда иду.

Но иногда... иногда я просто хочу, чтобы ты назвал меня Китти.

Скучаю. До следующего года. Или до завтрашнего сна»

Кэти закрыла блокнот, нежно провела ладонью по потертой обложке и спрятала его в самый дальний ящик стола.

Направляясь к выходу, она на секунду задержалась у старой акустической гитары, прислоненной к стене. Занесла руку, желая коснуться струн, но пальцы замерли в миллиметре от металла. Резко отдернув ладонь, Кэти подхватила косуху и вышла в коридор. Раскуроченные петли своей половинки диптиха она давно скрывает под грубой кожей и зашпаклевала сарказмом. Так плотно, что ни родители, ни даже Софи с Джессикой не замечали ржавчины.

И меньше всего на свете Кэти Миллер жаждала встречи с тем, кто специализируется на вскрытии подобных мистификаций.

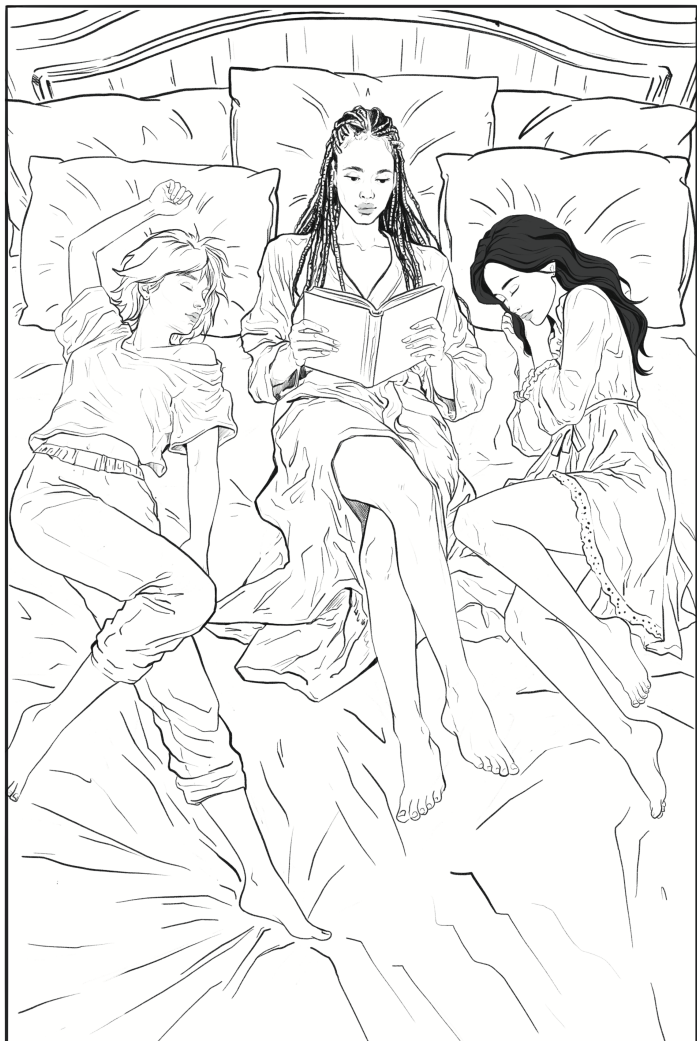
Глава 1. Натюрморт с убитой совестью, или Почему райские водопады заглушают крики грешников

Шумный Нью-Йорк начинал свой полный амбиций день, даже не подозревая, что в апартаментах 21-Е на Риверсайд-драйв последствия вчерашней бури только набирали обороты. В просторной спальне, оформленной со сдержанной роскошью, витал аромат чертовски хорошей вечеринки: коктейль из выдохшегося шампанского, остывшей пиццы и сладковатой нотки персикового соджу.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь расшторенное окно, высвечивали живописную картину, достойную названия «Натюрморт с убитой совестью»: розовое платье, задушенное косухой, поблескивающие зеленые бутылочки и одинокую тувфельку на шпильке, возвышавшуюся надгробием здравому смыслу.

В эпицентре этого урагана на широкой кровати восседала дочь сенатора штата – Софи Вандербильт. Представительница элиты афроамериканского истеблишмента, закутавшись в шелковый халат, с невозмутимым видом углубилась в «Психоанализ сновидений» Фрейда. Рядом мирно по-

сапывала Джессика Пак. Наследница корейской бизнес-империи даже в состоянии глубокого похмелья умудрялась выглядеть как фея из диснеевского мультика, которую случайно напоили. Другую половину кровати, раскинув конечно-сти, оккупировала Кэти Миллер. Ее растянутая футболка сползла, обнажая плечо, а пижамные штаны с танцующими тако задрались до колен. Белоснежные пряди волос прилипли ко лбу и щекам, а на лице отражалась внутренняя борьба – вероятно, спор с подсознанием о дедлайнах.

Hit you with that ddu-du ddu-du du!

Идиллию разорвали агрессивные басы Blackpink. Джессика, не открывая глаз, несколько раз шлепнула ладонью по тумбочке в попытке выключить будильник.

– Ох-х-х...

«Боже, моя голова сейчас взорвется и осыплет все блестящими, – пронеслось в сознании, когда она все-таки победила звук и с трудом разлепила веки. – Соджу. Мой любимый коварный друг. Давайте сделаем сомэк! Это часть моей культуры!» – кричала я. Будет весело!» – тоже кричала я. Почему я такая патриотичная, когда выпью? И почему моя культура сегодня пытается меня убить?»

Пак села, свесив ноги с кровати, и мир опасно качнулся.

– Мне нужен душ, – икнула она, подавив неприятный позыв, – или... новое тело. Это, кажется, сломалось.

Джессика, нащупав тапочки, сделала неуверенный шаг и тут же споткнулась о косяк Миллер. Вторая нога предательски поехала на чем-то твердом, и по паркету с веселым звоном покатилась бутылочка с иероглифами.

«О нет... Только не падай, Джессика, – пошатываясь, Пак взяла курс на спасительную дверь. – Даже если тебя тошнит бабочками».

– Джесс, там гардеробная, – не отрываясь от книги, заметила Софи.

Та замерла перед дверью и медленно повернула голову.

Взгляд, молящий о капле сочувствия, разбился о непроницаемую броню подруги.

— Ну и ночка, — пробормотала Пак, разворачиваясь. — Отметим воссоединение... Я даже линзы снять забыла! И, кажется, мы уничтожили годовой запас соджу в городе...

Джессика потеряла глаз и, пошатываясь, скрылась в ванной, оставив шлейф перегара и раскаяния.

Смачное причмокивание нарушило воцарившуюся тишину. Кэти перевернулась на живот, обнимая подушку. Рот приоткрылся, и на египетский хлопок потекла вязкая слюна.

Софи медленно опустила книгу. Ее взгляд сфокусировался на мокром пятне, расползающемся по дорогой ткани.

«Египетский... хлопок, плотность восемьсот нитей. Испачкан за три секунды».

Она замерла, отдавая дань уважения погибшей чистоте текстиля. Казалось, можно было услышать, как Фрейд одобрительно кивает из гроба. Вандербильт аккуратно отложила книгу. Подняла ногу. Прицелилась. И нанесла пробуждающий толчок пяткой в бок лучшей подруги.

— ПОДЪЕМ, МИЛЛЕР!

Кэти издала стон, словно ее вырвали из сна, где ей вручали Пулитцеровскую премию, и швырнули в бетономешалку. Она дернулась, потеряла ориентацию и кубарем скатилась с кровати. Послышался глухой удар тела о ковер.

— Ай! Твою ж... Моя ж... Боже, голова...

Миллер распласталась на полу в позе морской звезды.

– Вандербильт... – прохрипела она. – Ты средневековый инквизитор! Но ничего... я отомщу. Я первая занимаю ванную!

Софи, наблюдая за конвульсиями подруги с высоты матраса, грациозно свесила ноги с кровати.

– Боюсь, твой поезд отщепенца ушел, Миллер. Ванная комната аннексирована Джессикой. А учитывая ее состояние – надолго.

Кэти резко вскинула голову – комната сделала сальто. К горлу подкатила тошнота.

– Чтобы я еще раз послушала Пак и корейские традиции! – Миллер с обреченным стоном рухнула обратно. – «Давайте смешаем соджу с пивом! Сделаем сомэк! Это весело!» Весело?! Не коктейль, а химическое оружие!

– А не ты ли, Кэт, вчера с пеной у рта доказывала, что сомэк – это «нектар богов», – хмыкнула Софи, поправляя косички, – и требовала повторить... кажется, трижды? Я даже записала цитату: «В этой бутылке живет истина, и я собираюсь ее выпить».

Кэти издала звук, похожий на предсмертный хрип.

– Вчера! Ключевое слово – вчера! Вчера я была молода, наивна и полна оптимизма! А сегодня я старая больная женщина, – она с подозрением посмотрела на подругу. – А ты почему такая... невыносимо бодрая, Вандербильт? Тебя вообще похмелье берет? Или ты сделана из титана, сарказма и витамина С?

Софи встала и подошла к зеркалу.

– У меня есть маленький секрет, Кэт, – изрекла она с легким превосходством, глядя на отражение страдающей на полу подруги. – Он называется умеренность, самоконтроль и знание меры. Попробуй как-нибудь. Говорят, помогает сохранять человеческий облик.

Кэти открыла рот, чтобы выдать язвительную тираду о том, что умеренность – для скучных людей.

– А-А-А-А-А! ЛИНЗА НЕ ВЫНИМАЕТСЯ! Я ОСЛЕПНУ! ПОМОГИТЕ!!!

Крик подействовал на подруг мгновенно, но совершенно по-разному. Софи, услышав сигнал «код синий», мысленно прокрутила алгоритм действий: «Аптечка, аппликатор, специальный раствор...»

В голове Кэти сквозь вязкий туман щелкнул тумблер: «Стартовый выстрел! Пока Вандербильт косплеит доктора Хауса, возжеланный душ остается без охраны. Вставай и беги, Миллер. Совесть отмоешь вместе с похмелем».

Кэти пружиной подскочила с ковра и метнулась к цели, ровняясь с Софи.

– Джесс, я иду! – крикнула она, натягивая маску фальшивого сочувствия, и распахнула дверь ванной.

Джессика, бледная, с растрепанными волосами, сидела на краю ванны, пытаясь выковырять пластик из покрасневшего слезящегося глаза. Вандербильт, не теряя ни секунды, извлекла из шкафчика аптечку. Но периферийное зрение уло-

вило подозрительный маневр.

Софи резко развернулась, блокируя проход бедром.

– Миллер, даже не думай, – процедила она ледяным тоном. – В очереди приоритетов глаз Пак стоит выше.

Кэти сделала невинное лицо и схватила с полки полотенце.

– Софи, как ты могла подумать?! Я просто хотела... намочить компресс!

Но как только Вандербильт склонилась над всхлипывающей Джессикой, Кэти сбросила пижаму и одним прыжком оказалась в душевой кабине. Стеклопанель захлопнулась, и на нее обрушились мощные струи тропического душа, смывая стыд, вину и запах вчерашнего веселья.

– Прошла, как Майкл Джордан¹ через защиту! – донеслось из-за матового стекла приглушенное, но абсолютно счастливое восклицание.

Софи замерла с аптечкой в руке, балансируя на границе холодного самообладания.

«Патологический оппортунизм», – мысленно диагностировала она и повернулась к всхлипывающей подруге, чей плач смешивался с шумом воды и победным пением Миллер.

– Так, Джесс, фокус на мне. Глубокий вдох, – спокойно скомандовала Вандербильт, извлекая из аптечки пинцет с

¹ Майкл Джордан – легендарный американский баскетболист, бывший игрок НБА.

мягким наконечником и флакон с раствором.

– Я СЕЙЧАС УМРУ! – всхлипывала Джессика, вцепившись в край ванны. – ОНА ВРАСТАЕТ В МОЗГ! И, Кэти, ты не могла бы там потише?!

– Прости, Пак, не слышу! Райские водопады заглушают крики грешников!

Софи прикрыла глаза, призывая на помощь все свое терпение.

– Не обращай внимания на вокал из преисподней, Джесс, – проинструктировала она, перехватывая подбородок и заставляя подругу смотреть вверх. – Сейчас будет немного холодно. Раствор... Отлично. Теперь не моргай. Секунда...

Вандербильт поднесла инструмент к веку. Джессика зажмурилась.

– Джесс, если ты не откроешь глаз, мне придется использовать векорасширитель. Поверь, тебе не понравится ощущение холодного металла в глазнице. Доверься.

Джессика, дрожа, подчинилась, и Софи сделала одно точное, выверенное движение.

– Ай!

На кончике инструмента дрожал маленький полумесяц.

– Ни единого разрыва, – Софи продемонстрировала линзу с торжественностью хирурга. – В отличие от моих нервов.

Джессика судорожно выдохнула и часто-часто заморгала, из глаз тут же хлынули слезы облегчения.

– Ох, Софи... – выдохнула она. – Ты ангел! Я думала, что

навсегда останусь одноглазой пираткой! И уже придумывала, где купить дизайнерскую повязку!

Пак рванулась вперед и крепко обняла подругу, уткнувшись лицом в плечо. Вандербильт оцепенела, чувствуя, как ткань халата впитывает коктейль из слез, соплей и вчерашней туши. Она тяжело вздохнула и ласково погладила подругу по спутанным волосам.

– Ты в порядке, Джесс. Линза извлечена, зрение не пострадало, дизайнерская повязка отменяется. А теперь отлепись, пока мой халат не превратился в полотно абстракциониста.

В этот момент шум воды стих. Дверца душевой распахнулась, выпуская клубы густого, влажного пара. Софи втянула носом воздух и замерла. Пахло вербеной и белым чаем.

«Мой гель. Лимитированная коллекция. Восемьдесят долларов за флакон и три недели ожидания доставки», – обреченно подумала она, глядя на довольную Миллер.

– Так! – бодро объявила Кэти, на ходу заворачиваясь в полотенце и начисто игнорируя убийственный взгляд хозяйки квартиры. – Раз уж операция «Спаси глаз рядового Пак» успешно завершена, а самая чистоплотная бунтарка наконец-то пахнет как человек – и очень дорогой человек, спасибо, Соф! – Миллер щелкнула пальцами и многозначительно подмигнула. – У меня есть предложение!

Кэти подошла к Джессике и слегка приобняла ту за плечи.

– Предлагаю немедленно телепортироваться в Le Papillon!

Я умираю как хочу яичницу с беконом и ведро... нет, цистерну кофе!

Софи с чувством глубокого, почти буддийского смирения закатила глаза так далеко, что на секунду увидела собственный мозг, пульсирующий от раздражения.

«Отрицание. Гнев. Торг. Депрессия. Завтрак. Я прошла все стадии принятия неизбежного».

Джессика, осторожно промокнув глаз краем полотенца, слабо улыбнулась.

– Отличная идея, Кэт. Мне нужно заесть этот стресс.

– Согласна, – кивнула Софи. – Джесс, поедем на твоей «Канарейке»? Мой Range Rover на плановом техосмотре.

Вандербильт бросила критический взгляд на красный глаз.

– Надеюсь, состояние твоего зрения совместимо с вождением?

– Мой глаз, конечно, в шоке, – Джессика осторожно коснулась века, – но вести смогу!

Кэти хлопнула в ладоши, заставив эхо метаться по кафельным стенам ванной. Этот жест всегда был ее личным тумблером, переключающим режим с «умираю» на «готова покорять мир».

– Договор! – провозгласила она тоном сержанта, поднимающего взвод в атаку. – Приводим себя в порядок и выезжаем!

Не давая подругам опомниться, Миллер схватила с полки

фен, включила на полную мощность и направила струю горячего воздуха на мокрые волосы.

В квартире воцарился деятельный хаос. Три грации, забыв о похмелье, драмах и украденных гелях, сорвались с места. Утро в Нью-Йорке только начиналось, обещая быть щедрым на кофеин. И на случайные встречи, навсегда меняющие маршрут.

Глава 2. Синдром Стендаля на встречной полосе, или Как отличить вандализм от шедевра, пока желудок планирует убийство

Кэти облачилась в свою городскую броню: черные скинни, обтягивающая графитовая майка и новые, купленные вчера ботинки Balenciaga, способные выбить дверь или зубы, если понадобится. Пара небрежных штрихов темным кайалом, взъерошенные пальцами волосы – и образ «стихийного бедствия» готов. Сборы Джессики и Софи включали чуть больше манипуляций с консилером, хайлайтером и блеском для губ, но по скорости они не отставали. Вооружившись солнцезащитными очками, скрывающими любые намеки на последствия бурной ночи, подруги выбрались на залитые утренним светом улицы Верхнего Вест-Сайда.

Джессика, предвкушая гастрономические приключения и игнорируя головную боль, с радостным возгласом плюхнулась за руль желтого «Мини Купера». Салон заполнил заводной, пульсирующий K-pop Gwedo от Taemin.

Софи, поморщившись от мелодии, села на переднее сиденье и открыла приложение, сканируя маршрут на наличие «красных» зон. Убедившись, что Пятая авеню относительно

свободна, она переключилась на биржевые сводки.

Кэти развалилась на заднем сиденье.

– Дже-есс, боже, я так рада, что ты вернулась из европейской ссылки! – протянула она, доставая телефон. – Без тебя было невыносимо скучно и подозрительно прилично. Мы даже ни разу не попали в светскую хронику.

Джессика рассмеялась, ловко маневрируя в потоке такси.

– Я тоже рада, что перевод одобрили, – ответила она. – Но по Европе буду скучать. Уффици, Лувр, Прадо... Можно потеряться на день и найти шедевр! А выставки Дэвида Эш...

– Так, Пак, притормози внутреннего искусствоведа, – перебила Кэти с присущей ей бесцеремонностью, которая, к счастью, никогда не обижала Джессику. – Галереи – это прекрасно, духовная пища и все такое. Но давай поговорим о более... э-э-э... живых экспонатах.

Миллер хитро прищурилась, глядя на подругу.

– Тот знойный граф? Алессандро, кажется? Все еще читает тебе патетические сонеты и обещает достать луну с неба?

Улыбка Джессики мгновенно померкла. Она отвела взгляд от дороги, на секунду посмотрев на спешащих по своим делам прохожих.

– Эм, Алессандро... нет, – в голосе отчетливо скользнула нотка грусти, смешанная с разочарованием. – Я попросила его больше не писать.

Софи оторвалась от телефона, забыв о котировках, и переглянулась с Кэти в зеркале заднего вида.

– Какова официальная причина дефолта? – аккуратно поинтересовалась Вандербилт.

– Он тайный агент Ватикана? – вклинилась Кэти. – Или, не дай бог, носит носки под сандалиями? Если второе, то это не разрыв, Джесс, а самооборона!

– Если бы... Все банальнее, – невесело усмехнулась Джессика. – Мне показалось, что он смотрел на меня, а видел только котировки «Пак Индастриз». Или, что еще хуже, наше знакомство – это бизнес-проект мамы...

В салоне повисла тяжелая тишина.

– Она слишком настойчиво его хвалила, – продолжила Джессика. – И не скрывала, что «проверила биографию». В моменте у меня даже появилось ощущение, что она выдала ему методичку: что дарить и о чем шутить, чтобы я быстрее согласилась.

Кэти, сочувственно хмыкнув, подалась вперед и успокаивающе сжала плечо подруги.

– Ох, Джесс... – прошептала она. – Эти... марионетки Элеоноры. Достали уже до печенок.

– Твоя мать мыслит категориями венчурного капитала, Джесс, – постулировала Софи, возвращаясь к телефону. – Она тебя... *инвестирует*.

– Вот поэтому я и не лезу в элитную тусовку, – Кэти с нескрываемым презрением окинула взглядом проплывающие за окном фасады Риверсайд-драйв. – Все эти «принцы» из Лиги Плюща видят в людях только полезные связи. С ни-

ми ты никогда не будешь просто Кэти или просто Джесс.

Пак благодарно улыбнулась сквозь навернувшиеся слезы.

– Ты абсолютно права, Кэт. Хочется найти что-то настоящее, а не быть «полезным аксессуаром».

Ее слова странно контрастировали с жизнерадостной музыкой, льющейся из динамиков. Но путь к гастрономическому раю грубо прервался прозаической реальностью нью-йоркского трафика. Впереди, перегораживая дорогу, мигали огни дорожной техники.

– Перекрыто, – констатировала Вандербилт, убирая телефон. – Джесс, сворачивай на следующем перекрестке. Придется сделать крюк.

Джессика послушно выкрутила руль, уводя «Мини Купер» с широкого проспекта в узкий боковой проезд. Листва парка и парадные здания сменились строительными лесами, и стенами технических зданий, ожидавших реконструкции. Именно в этот момент среди серости бетона ее взгляд зацепился за визуальную детонацию на стене. Живая, пульсирующая аномалия, прорвавшая монохромную ткань города. Пак, даже не успев осознать, что видит, ударила по тормозам.

Желтая «Канарейка» клюнула носом, взвизгнув покрышками, и опасно вильнула к бордюру, замирая в миллиметре от строительного ограждения. Девушек с силой швырнуло вперед, ремни безопасности больно впились в плечи. Телефон Миллер, описав в воздухе дугу, с глухим стуком скрылся под сиденьем Софи.

В салоне повисла тишина, которую тут же разорвал пронзительный, яростный гудок.

Пишибип!

Массивный желтый кеб, чудом избежавший столкновения, поравнялся с ними. Из окна высунулся коренастый таксист с лицом, напоминавшим пожеванный ботинок, и багровой от гнева шеей.

– Ты что творишь, идиотка?! – проревел он, брызгая слюной. – Жить надоело?! Я из-за тебя чуть в хмыря на «Мерсе» не влетел! Права в коробке с хлопьями нашла?!

Кэти, мгновенно оправившись от шока, резко нажала на кнопку и высунулась из окна. Ее средний палец взлетел вверх.

– Дистанцию держи, урод! – проорала она с такой яростью, что таксист на секунду опешил. – Здесь не гоночный трек! Глаза разуй!

Мужчина, поняв, что связываться с тремя фуриями себе дороже, сплюнул на асфальт и ударил по газам.

– Туристски чертовы! – донеслось напоследок, прежде чем он скрылся за поворотом.

В салоне снова стало тихо, но воздух был наэлектризован.

– Джессика! – голос Вандербильт, обычно спокойный, дрожал от едва сдерживаемого бешенства. Она медленно отлепила руки от приборной панели. – Какого черта?! Ты понимаешь, что мы могли сейчас собирать зубы с асфальта?!

Кэти, чертыхаясь, нырнула под сиденье Софи и выудила

свой телефон.

– Мой айфон чуть не погиб смертью храбрых! – возмутилась она, откидывая волосы с лица. – И моя шея, между прочим, тоже! Пак, если ты увидела распродажу, то, клянусь, я тебя придушу! Что там...

Но до Джессики не долетели ни крики таксиста, ни возмущение подруг. С широко распахнутыми глазами она дрожащей рукой указывала сквозь лобовое стекло.

– Боже мой! – ее голос прозвучал странно приглушенно. – Вы... должны это увидеть...

Не обращая внимания на сигналящие и объезжающие их машины, Пак распахнула дверцу и выпорхнула на тротуар. Там, на грубой кирпичной кладке, полыхал визуальный бунт. Выплеск дикой энергии, застывшей в аэрозоле. Центром композиции являлась женская фигура, лицо которой скрывал глубокий капюшон худи, вся ее поза кричала о непокорности. Напряженная спина, вскинутый подбородок, широкая, уверенная стойка. В руках она сжимала обрывки массивной цепи, звенья которой разлетались в стороны, словно шрапнель.

Вокруг урбанистической валькирии бушевал цветовой шторм. Кислотная фуксия, ядовитый электрик и радиоактивно-зеленый врезались в глубокие, бархатные тени. Резкие, агрессивные линии переплетались с текучими, почти жидкими формами. В этом хаосе угадывались символы, похожие на обрывки ночных кошмаров: искаженные маски,

плавающие шпили небоскребов, осколки античных колонн, испещренные кричащими иероглифами.

Казалось, стена вибрирует от напряжения, и ее ритм идеально совпадал с бешеным сердцебиением Джессики.

– Ого... – выдохнула она. Звук получился благоговейным, почти молитвенным.

У нее перехватило дыхание, будто невидимая рука сжала легкие. Узнавание. Мгновенное и болезненное. Словно автор залез к ней в душу, вытащил самый потаенный страх, самую отчаянную мечту и выплеснул на стену.

Софи и Кэти выбрались из машины, недовольно хлопнув дверьми.

– Джессика, ради всего святого, – Вандербильт, одернув сбившуюся юбку, подошла к подруге. – Что на тебя нашло? Мы создаем пробку, и все ради... – она неопределенно махнула рукой в сторону шедевра.

Кэти с усердием ювелира полировала экран айфона о джинсы, проверяя на наличие микроцарапин и начисто игнорируя попытки Софи навести порядок.

– Моя цифровая жизнь только что пронеслась перед глазами! – проворчала Миллер, убедившись, что дисплей цел. – Джесс, ты чуть не отправила нас к праотцам из-за... граффити? Черт возьми, где моя обещанная яичница?!

Пишибин!

Позади них рывкнул клаксон огромного черного внедорожника. Софи резко обернулась на звук, а затем снова пе-

ревела взгляд на Джессику, застывшую у стены в позе восхищенного суриката.

– Похоже, критики на колесах не разделяют твоего восторга, Пак, – съязвила она, повышая голос.

Но Джессика стояла перед стеной, как паломник перед святыней. На ее лице блуждала блаженная, немного пугающая улыбка.

– Это... это невероятно, – прошептала она и, словно в трансе, провела пальцем по воздуху, повторяя изгиб нарисованной цепи. – Чистая гениальность. Абсолютная.

Софи подошла ближе, встав так, чтобы прикрывать подругу от потока машин.

– Джесс, что ты здесь видишь? Кроме правонарушения и ярких цветов.

Джессика резко повернулась к подругам. В ее мягких янтарных глазах сейчас полыхал огонь фанатичной убежденности.

– Разве вы не чувствуете?! – воскликнула она. – Эту мощь. Эту дикую, необузданную страсть. Эту... оглушающую честность.

Пак снова ткнула пальцем в сторону нарисованной фигуры.

– Посмотрите на нее! Она *кричит*. Каждой линией тела! О свободе. О том, что нужно рвать цепи, которые душат! Бороться... за себя, за свои мечты, за право быть кем-то большим...

Джессика рассуждала о граффити, но подружки поняли, что она говорит о себе.

– А цвета? – не унималась та. – Взрывные, сумасшедшие! А линии? Резкие, как удар хлыста, и плавные, как вода... Чистая эмоция!

Софи поджала губы. Ее скептицизм только укрепился от экзальтированного монолога.

– Допустим, техника присутствует. Но давай будем реалистами, Джесс, – она бросила брезгливый взгляд на граффити. – Если убрать патетику, что мы имеем? Анонимную мазню на техническом здании.

– «Мазня»? – передразнила Кэти и шагнула вперед, заслоняя стену. – Простите, ваша светлость леди Вандербильт! Я забыла, если работа не висит за пуленепробиваемым стеклом с шестизначным ценником, для тебя это грязь.

Софи закатила глаза, всем видом демонстрируя, как утомительна эта пролетарская революция.

– Очень остроумно, Кэт, – холодно парировала она. – Я всего лишь говорю о том, что искусство – это созидание, а не разрушение чужой собственности. У художника должно быть имя, а у работы – место. А это – при всем уважении к усилиям и затраченной краске – чистой воды вандализм. И точка.

– Вандализм?! – вспыхнула Кэти. – Да в этом «вандализме» больше правды и боли, чем в половине картин МоМА²!

² Музей современного искусства на Манхэттене, Нью-Йорк, США.

Это голос улицы, Софи! Голос тех, кого мир предпочитает не слышать!

Вандербильт открыла рот, чтобы выдать уничижительный аргумент о разнице между самовыражением и хулиганством, но ее прервал шум. Мимо них с грохотом и громким смехом пронеслась компания подростков – двое парней и девушка в мешковатых худи, со скейтами. Увидев стену, они резко затормозили.

– Офигеть... – выдохнул один из парней, поправляя кепку. – Чувак, чекай детализацию! Это точно он! Я узнаю его почерк из тысячи.

– Сто проц! – подхватил второй.

– Нереально! – выдохнула девушка, ее пальцы уже летали по экрану смартфона. – Я знала, что он вернется! Надо залить в сторис, пока не снесли! Хештег StreetArtKing, погна-ли!

Пока подростки с восторгом документировали каждый сантиметр кирпичной кладки, с другой стороны девушек обошел седовласый джентльмен в твидовом пиджаке, выгуливающий нервного джек-рассела. Он притормозил, поправил очки и внимательно изучил полыхающую красками стену. Затем перевел взгляд на восторженных подростков, на застывших девушек и... едва заметно улыбнулся уголками глаз. В выражении его лица читалась ностальгия по Нью-Йорку восьмидесятых, когда город был опаснее, грязнее, но живее. Он коротко кивнул стене, как старому знакомому, и

неторопливо побрел дальше.

– Vox populi³, Софи! – победно воскликнула Кэти, указывая на разношерстную публику. – Видишь? Вот настоящие ценители.

Вандербильт безглаголиво поджала губы.

– Подростки и старик с собакой – это не фокус-группа, Кэт, – процедила она. – Всего лишь статистика уличных беспорядков, которая ничего не меняет!

Но для Джессики это изменило все. Она больше не была одинокой в своем восхищении. Она стала частью тайного братства тех, кого зацепил «Голос со стены». Телефон выпорхнул из сумочки. Пак приседала, почти касаясь коленом грязного асфальта, и ловила игру света на кирпичах.

– О да... вот этот ракурс! – бормотала она, словно в лихорадке. – Посмотрите, как свет падает на разрыв цепи!

Джессика, закусив губу, сделала серию макроснимков: брызги краски, имитирующие искры, глубокая тень капюшона, скрывающая лицо.

– Идеально! – выдохнула она, удовлетворенно кивая экрану. – Так, теперь кэпшн⁴... Нужно что-то... такое же сильное. Пронзительное. Манифест!

Софи и Кэти переглянулись поверх ее головы: «Началось. Джесс вошла в режим "Искусство спасет мир"». Девушки синхронно вздохнули.

³ Голос народа (лат.)

⁴ Голос народа (лат.)

– Умоляю, Пак, – Миллер заглянула в экран. – Только не говори, что ты пишешь что-то в стиле «Бетонные слезы города» или «Крик души в аэрозоле».

Джессика подняла на нее огромные сияющие глаза.

– А что не так? – искренне удивилась она. – По-моему... красиво. И глубоко.

Кэти фыркнула, а Софи лишь устало улыбнулась.

– Твоя вера в радугу и единорогов меня когда-нибудь доконает, – вздохнула Миллер, похлопав подругу по плечу. – Давай я, как будущая акула пера, спасу твой блог. Нужен кликбейт! – она щелкнула пальцами. – Как насчет: «Шок-контент. Анонимный вандал разбудил во мне бунтарку! Мир, трепещи, я иду с баллончиком краски!»?

– Слишком агрессивно, – Джессика наморщила лобик. – Хочется чего-то возвышенного. Чтобы люди остановились и задумались...

– Люди остановятся, только если ты перегородишь им дорогу, что ты, собственно, и сделала, – вмешалась Софи, которой арт-перформанс посреди проезжей части уже надоел. – Пиши факты: «Объект: граффити. Автор: неизвестен. Локация: прикреплена. Статус: вандализм». Кратко и емко. Как в каталоге Sothebys.

– Вы безнадежны! – рассмеялась Джессика. – Где ваши чувства? Это же искусство!

Она отвернулась от циничных подруг и быстро, пока не ушло вдохновение, застучала пальцами по экрану.

@jessica.park: Когда город решает поделиться своими секретами... ## Иногда нужно свернуть с привычного маршрута, чтобы увидеть настоящую магию. Нью-Йорк, ты не перестаешь меня удивлять. #####. #UrbanArt NYC #HiddenGem #SoulOnFire»

«Опубликовать».

Не прошло и секунды, как раздался звонкий сигнал уведомления. Джессика уткнулась в телефон.

– О! – взвизгнула она, подпрыгнув на месте. – Первый лайк! И коммент: «Видел сегодня утром! Нереально круто! Кто автор?!» – янтарные глаза засияли триумфом. – Видите?! Людям интересно! Это действительно шедевр!

Вандербилт и Миллер снова переглянулись. Спорить с фанатиком, получившим социальное одобрение – бесполезно.

– Ладно, наша доморощенная Пегги Гуггенхайм, – Софи настойчиво развернула Джессику к машине. – Хватит собирать лайки. Люди – то есть мы – ждут завтрака. А водители, застрявшие в пробке, ждут момента, чтобы нас линчевать. И я их, честно говоря, понимаю.

Кэти энергично закивала, а ее желудок издал рык, достойный тираннозавра.

– Слышите звук? – она ткнула пальцем в живот. – Это реквием по терпению!

Джессика с явной неохотой бросила на стену прощальный взгляд.

– Хорошо... – она скользнула за руль, и двигатель «Канарейки» бодро заурчал.

– Вперед! К Реми! – Кэти плюхнулась на заднее сиденье, спешно пристегиваясь. – И, умоляю, Джесс, без экстренных торможений. Мой вестибулярный аппарат второго такого удара не переживет.

– На перекрестке поверни налево, – сообщила Софи, просматривая приложение на телефоне. – Я выбрала улицу с минимальной концентрацией арт-объектов. Надеюсь, там выживем.

– Слушаюсь, босс! – рассмеялась Джессика. – Только плавное движение к цели!

Пак подмигнула Кэти в зеркале заднего вида и нажала на газ, вклиниваясь в поток под возмущенный гудок очередного таксиста. «Канарейка» устремила к гастрономическому раю. Миллер мысленно уничтожала порцию бекона, Софи сверяла график, а Джессика...

Джессика Пак вела машину с предельной концентрацией – урок был усвоен, – но перед мысленным взором стояла та стена. Мощная фигура женщины с разорванными цепями отпечаталась на сетчатке глаза как ожог и оставила после себя вихрь вопросов и необъяснимое, магнетическое притяжение.

Глава 3. Гастрономический десант в «Le Papillon», или О пользе отсутствующих мужей и вреде присутствующих матерей

Французская brasserie Le Papillon дышала атмосферой элегантного улья. Она была неизменным штабом еще со школьных времен – местом, где под хруст круассанов, а позже и звон бокалов с утренним шампанским обсуждались мировые проблемы и личные катастрофы.

Кэти окинула зал цепким взглядом и тут же расплылась в улыбке. Реми – их бессменный официант, проводник в мир гастрономического разврата и, по совместительству, самый импозантный француз Верхнего Ист-Сайда – стоял на посту. Заметив девушек, он едва заметным, но властным жестом остановил молоденькую хостес, которая уже набрала в грудь воздух для дежурного приветствия, и, раскинув руки, поплыл им навстречу.

– Bonjour, Mesdemoiselles!⁵ – проворковал он. – Какое счастье видеть вас вместе! Ваш любимый столик у окна свободен и тоскует без вас.

Реми галантно проводил их вглубь зала, ловко отодвигая

⁵ Согласен (фр.)

стулья.

– Кофе? Шампанское? Или, может быть, сразу десерт для поднятия боевого духа? – подмигнул он, глядя на помятую Кэти.

– О боже, Реми, ты читаешь мои мысли, – простонала Миллер, падая на стул. – Но начнем с тяжелой артиллерии. Я голодна так, что готова съесть скатерть!

Ее желудок в подтверждение издал звук, похожий на рычание. Официант деликатно сделал вид, что ничего не слышал, и приготовил блокнот. Кэти ткнула пальцем в самую сытную позицию меню.

– Мне, пожалуйста, LAméricain. Яичница, хрустящий бекон – много бекона, Реми, не жалеЙ! – она помолчала, собираясь с духом. – И двойной американо. Черный, как моя душа до первого глотка.

Софи, невозмутимо изучавшая вид за окном, повернула голову.

– Черный? – переспросила она с ноткой клинического интереса. – Кэт, ты не изменяла своему латте со школы. Ситуация настолько критична?

– Мне нужен удар, – мрачно буркнула та, массируя виски.

– D'accord⁶, – кивнул Реми с пониманием врача, выписывающего жизненно необходимое лекарство. Он сделал пометку в блокноте и с легким поклоном повернулся к Софи. – А для вас, *mademoiselle*? Полагаю, нужно что-то для восста-

⁶ Согласен (фр.)

новления баланса во вселенной?

– Именно, Реми, – Вандербильт сплела пальцы в замок и удостоила его одобрительной улыбки. – Авокадо-тост на цельнозерновом хлебе, лосось слабой соли и стакан свежевыжатого апельсинового сока. Без льда, – она бросила быстрый взгляд на страдающую Кэти. – Кому-то же нужно сохранять ясность ума и поддерживать уровень витаминов, пока остальные занимаются саморазрушением.

– Безупречный выбор, *mademoiselle*, – с учтивым теплом отозвался Реми.

Взгляд Джессики, полный детского предвкушения, метался между яйцами «Бенедикт» и сладкой выпечкой.

– Ох, Реми, самый сложный выбор за неделю, – пробормотала она. – Ладно. Пусть будет французский тост. Тот самый, с горой свежих ягод и...

– ...и шапкой взбитых сливок, высокой, как Монблан? – закончил за нее официант с лукавой улыбкой.

– Да! – просияла Пак. – Именно так! И матча-латте, пожалуйста!

Как только Реми удалился, телефон Джессики настойчиво завибрировал, разрушая магию утра.

– Мама, – коротко бросила она, взглянув на экран и отодвигая телефон на край стола.

Софи подалась вперед, считывая контекст.

– Очередная срочная видеоконференция? Что на этот раз? Госпожа Пак решила устроить аудит расходов или на-

шла изъян в последнем выходе в свет?

– Скорее всего, рубрика «Личная жизнь», – вздохнула Джессика. – Спешит уведомить меня об очередном «идеальном кандидате».

– Опять? – поморщилась Кэти, потягиваясь. – Серьезно, Джесс? Мы же только на прошлой неделе обсуждали фиаско с сыном нефтяного магната, у которого харизмы было меньше, чем у барреля нефти, и это еще не считая Алессандро. Элеонора не делает пауз на перезарядку?

– Мама не знает слова «пауза», Кэт. Она знает слово «стратегия», – горько усмехнулась Джессика, делая глоток воды. – Она вчера написала, что «подобрала несколько очень... выгодных партий». Это цитата.

– «Выгодных партий»? – возмутилась Миллер. – Господи, это что, аукцион племенных кобыл? Она уже составила лотлист?

Кэти резко вскинула руку, едва не отправив в нокаут помощника официанта, который подошел, чтобы поправить сервировку. Парнишка шарахнулся в сторону, прижимая к груди салфетку.

– Это средневековье, Джесс! – Миллер хлопнула ладонью по скатерти. – Мы в Нью-Йорке, а не в феодальной Корее!

Софи, видя, что подруга вот-вот начнет революцию и, возможно, все-таки добьет испуганного парня, накрыла ее руку своей, призывая снизить громкость.

– Кэт права в сути, хоть и излишне экспрессивна в форме,

– ровно заметила Вандербильт, кивнув бледному помощнику. – Джесс, мы это уже проходили. Ты совершеннолетняя гражданка США. Элеонора не имеет права распоряжаться тобой как активом. Ты же не собираешься всерьез идти на эти... смотрины?

– Разумеется, нет! – воскликнула Джессика, но голос предательски дрогнул. – Только... вы же знаете маму. Она просто ставит перед фактом, и отбиться от нее сложнее, чем уйти от налогов.

– Пусть только попробует, – процедила Миллер, сузив глаза. – Мы ей устроим такой «бизнес-план», что акции рухнут.

Словно почувствовав, что градус напряжения за столиком достиг критической отметки, к ним с подносом подплыл Реми. Аромат жареного бекона и свежей выпечки перекрыл запах семейной драмы.

– Ладно, к черту, – решительно заявила Джессика, глядя на французский тост. – Не будем портить аппетит мамиными сделками.

– Золотые слова, Пак! – Кэти нацелилась вилкой на бекон. – В бан подставных принцев. У нас свидание с углеводами.

Миллер набросилась на завтрак с энтузиазмом человека, который не ел неделю.

– Вообще не понимаю, зачем в наши годы лезть в кандалы серьезных отношений, – продолжила она с набитым ртом. – Двадцать лет, девчонки! Самое время жить для себя, коллекционировать впечатления! Путешествовать, совершать глу-

ные ошибки, о которых будет стыдно рассказывать, но весело вспоминать...

«Черт»

Вилка с куском бекона замерла в сантиметре от рта. Кэти перехватила взгляд Софи.

Слова привычного извинения – «Ой, Соф, прости, я не имела в виду Йена!» – уже вертелись на языке, но Миллер сглотнула их вместе с комом в горле.

– Все в порядке, Кэт, – ровным тоном отозвалась Вандербилт. – Я не занимаюсь проекциями.

Софи задумчиво покрутила стакан, глядя, как оранжевая жидкость бьется о стенки. В этот момент она видела не сок, а письмо о зачислении в Принстон два года назад. Отец уже праздновал триумф: дочь с математическим умом, готовая покорить цифровой мир. Но тогда, глядя в зеркало, Софи поняла страшную вещь: она безупречно владеет кодом, но понятия не имеет, как работает ее собственное сознание.

Вандербилт чувствовала себя сложнейшим компьютером без операционной системы. Поддавшись иррациональному срыву, она отказалась от Принстона, когда вышли все сроки. Чтобы впихнуть ее в Колумбийский на психологию, отцу пришлось сделать *тот самый звонок* и внести «щедрое пожертвование». Софи получила место, а вместе с ним – жгучий стыд. Она, так гордившаяся своей независимостью, вошла в университет через служебный вход привилегий просто потому, что испугалась собственного хаоса.

– Возможно, в твоих словах есть логическое зерно, – тихо добавила она.

Кэти чуть прищурилась, фиксируя редкую секунду честности.

– Но Йен – мой якорь, – продолжила Софи, выпрямляя спину. – Мы выросли вместе. В мире, где все зыбко, мне нужна стабильная переменная. Мы знаем триггеры друг друга, это создает безопасное пространство, – она замолчала, подбирая слова. – У нас функциональное партнерство. Я могу фокусироваться на учебе и самоанализе, а Йен – на сезоне. Мы не истощаем друг друга невротическими драмами, которые только отнимают когнитивный ресурс.

Миллер взяла кофе, думая, что «якорь» тянет на дно, а «отсутствие драм» у Уортингтона объясняется не мудростью, а толстокожестью. Она сделала глоток, пряча за чашкой скептический взгляд: «Функциональное партнерство? Ну-ну».

Джессика, не заметив дуэли и внутренней борьбы подруг, мечтательно вздохнула, глядя в окно на суетливый Нью-Йорк.

– Возраст и опыт тут ни при чем, – прошептала она, подпирая подбородок. – Можно встретить своего единственного и в шестнадцать, как Джульетта, и в шестьдесят, после череды ошибок. Просто случается искра, как в мультфильмах Диснея: музыка нарастает, взгляды встречаются, и ты уже точно знаешь, что он – *тот самый*.

Кэти поперхнулась кофе и переглянулась с Софи: «Клинический случай».

– Ох, Джесс, вылезай из своего сказочного замка, – фыркнула Миллер. – Мы в Нью-Йорке, а не в Эренделле. Где ты найдешь эту «родственную душу»? В универе, где одни зануды и нарциссы? Или в баре, где парни любят свое отражение в бокале больше, чем тебя? Здесь принцев нет, одни Гастоны.

Джессика грустно улыбнулась.

– Может быть, ты и права, Кэт, – тихо сказала она. – Но я верю, что где-то есть мой человек. Ну, или хотя бы тот, кто не превратится в тыкву после...

Вззззз-ззззз!

Джессика глянула на экран телефона.

– Мама.

– Не прошло и получаса, – протянула Кэти, жуя бекон. – Твой принц уже бьет копытом у ворот поместья Пак. Готовься к смотринам, дорогая. Проверь зубы и родословную.

Софи не удержалась от тихого смешка, прикрыв рот ладонью.

– Удачи, Джесс, – пожелала она с искренним сочувствием. – Будем надеяться, что на этот раз обойдется без наследных принцев с манией величия или сыновей техасских нефтяников. Хотя... бородатый техасец... вполне фактурно.

– О, я бы сейчас душу продала за бородатого нефтяника, – пробормотала Пак, поднимаясь. – С ним можно было бы

обсудить... ну не знаю... цены на баррель! Или борода. А меня ждет пресный, как вчерашний рис, чебошь во втором поколении. Идеальный костюм, идеальный диплом и полное отсутствие воображения.

Она взяла телефон и с видом мученицы направилась к дамской комнате.

– Да, мам? Привет! Что-то случилось? – голос переключился в режим «послушная дочь», но свободной рукой Джессика жестикулировала, изображая повешение.

– Знаешь, Вандербильт, а я бы не отказалась от неприлично богатого, но... стратегически отсутствующего мужчины, – заговорщически прошептала Кэти. – Скажем, швейцарского банкира. Пусть будет занудой и цитирует котировки вместо Шекспира. Главное – манеры и безлимитная черная карта.

Она мечтательно уставилась в потолок, откинувшись на спинку стула.

– Представь: частный джет в Ниццу на уик-энд, дом на Комо, где можно спрятаться от дедлайнов. И чтобы никаких, слышишь, никаких глупых вопросов, где я пропадала до рассвета и почему от меня пахнет редакцией и вином.

– Ты бы взывала от скуки через сорок восемь часов, Кэт, – усмехнулась Софи поверх стакана с соком. – И устроила бы скандал на благотворительном балу в Монако, просто чтобы проверить, есть ли у этих восковых фигур пульс.

Вандербильт отправила в рот кусочек рыбы и добавила:

– Ты питаешься хаосом, Миллер. Тебе нужен адреналин, расследования, погони. А швейцарский банкир умер бы от инфаркта, пытаясь этот хаос застраховать.

– Ты, как всегда, права, Соф, – Кэти вздохнула, ковыряя вилок остатки яичницы. – Протоколы, ужины с герцогинями, у которых ботокса больше, чем мозгов... Чистая кома.

Раздался звук каблучков, и к столику подлетела сияющая Джессика.

– Девочки, отбой воздушной тревоги! – выдохнула она, падая на стул и хватаясь за остывший матча-латте. – Мама улетает в Сеул. У них с отцом началась очередная корпоративная война.

Она победно улыбнулась, хотя в глазах мелькнула грустная ирония.

– Папа заблокировал какое-то слияние в совете директоров, которое лоббировала мама, и она в бешенстве. Полетела разбираться с ним лично, – Пак сделала глоток матча, смакуя свободу. – Так что операция «Выдай дочь замуж любой ценой» заморожена! Я свободна! Минимум на неделю!

Она с любопытством перевела взгляд с одной подруги на другую.

– О чем секретничали? Раскрыли личность Бэнкси?

– Не совсем, Джесс, – усмехнулась Софи, промокая губы салфеткой. – Мы занимались теоретическим моделированием. Пытались составить фоторобот идеального мужчины для Кэт. И, должна признать, задача оказалась сложнее, чем до-

казательство гипотезы Римана.

– О, представляю этот список требований! – Джессика заливисто рассмеялась. – Ну и каков вердикт? Все тот же «богатый, щедрый и желательно немой»?

Кэти отмахнулась, но в глазах заплескали искорки.

– Финансовая независимость – это база. Кто-то же должен спонсировать мои расследования до Пулитцера. Но... если отбросить цинизм... – она постучала пальцем по подбородку. – Моя внутренняя эстетка требует определенной фактуры.

Миллер откинулась на спинку стула, и ее голос приобрел мечтательные нотки:

– Он должен быть высоким. Определенно высоким, чтобы даже на шпильках я задирала голову и не чувствовала себя Гулливером. Скулы... такие, знаешь, острые, о которые можно порезаться. И волосы... пусть будет блондин, – она подняла указательный палец, считывая вопрос Джессики. – Не слащавый серфер, а с таким... холодным лоском и идеальной укладкой, даже если вокруг апокалипсис.

Кэти закрыла глаза, визуализируя мужчину мечты.

– А взгляд... умный, пронзительный, слегка опасный, может быть, даже с искоркой озорства, – она принялась загибать пальцы. – Мне нужно, чтобы с ним можно было быть... идиоткой. Понимаете? Чтобы он понимал мои шутки, даже самые черные. Чтобы мы могли спокойно обсуждать геополитику, а через пять минут ржать над тупым мемом. Смот-

реть треш-шоу, есть пищу в постели и крошить на простыни. Пить текилу в три утра, а потом спонтанно сорваться в аэропорт и улететь в Исландию потому, что нам захотелось посмотреть на мох. Короче, – Миллер загнула последний палец, – Мне нужен невозможный гибрид. Мистер Дарси, залипающий на реалити, Джеймс Бонд, любящий пиццу с анчоусами, и Уоррен Баффет, молча оплачивающий счета. Плюс стальные нервы, чтобы терпеть меня. Существует ли такой в природе? Вряд ли. Скорее всего, я умру в одиночестве.

Джессика мягко накрыла ладонь подруги.

– Нужно просто верить, Кэт. Может, он все-таки существует.

Кэти лишь скептически хмыкнула, но руку не убрала.

– А я, – мечтательно продолжила Джессика, – хочу встретить кого-то по-настоящему творческого. Художника, писателя или непризнанного гения... Представьте: бродить за руку по галереям в Сохо, обсуждать инсталляции, от которых у мамы случился бы инфаркт. Или сидеть на полу в пыльной студии, пахнувшей терпентином и дешевым вином, и до рассвета... спорить о Тарковском.

– О да, творческие личности! – фыркнула Миллер, разрушая романтический флер. – Вечно витают в эмпиреях. Питаются вдохновением, звездной пылью и твоими нервными клетками. Денег, как правило, ноль, зато эго и самомнение – размером с Лувр.

Она выразительно ткнула вилкой в воздух.

– Поверь, Джесс, романтика заканчивается там, где начинается реальность. «Гений» забудет про твой день рождения из-за творческого кризиса, а любить будет не тебя, а свое отражение в твоих глазах.

Софи отложила приборы и бросила на подругу красноречивый взгляд.

– Справедливости ради, Кэт, с творческим типажом есть ненулевая вероятность содержательной беседы. Шанс узнать о мире что-то, кроме физиологии, – ее губы тронула едва заметная, но убийственная усмешка. – Иногда мне кажется, что словарный запас Йена состоит из: «пас», «ярды», «перехват», «тачдаун» и «детка, ты видела, как я его уделал?».

Вандербильт сделала глоток сока.

– Интеллектуальная стимуляция, увы, контрактом не предусмотрена.

Подруги дружно рассмеялись. В их смехе было все: и понимание тонкого яда Софи в адрес «стабильного» бойфренда, и признание того, что идеальных мужчин, похоже, действительно не существует.

Джессика, оглядев повеселевших подруг, лукаво прищурилась и спросила:

– Слушайте... может, устроим культурную вылазку? Я видела афишу нового скандинавского артхауса. Черно-белый, три часа, субтитры и экзистенциальная тоска. Критики обещают «визуальную лоботомию». По-моему, идеально для вечера субботы!

– Звучит продуктивно, – кивнула Софи. – Давно не подвергала мозг деконструкции. Скандинавская депрессия – отличный способ сбалансировать избыток углеводов.

– Эх, я бы с удовольствием погрузилась с вами в пучину шведского отчаяния! – вздохнула Кэти. – Но долг зовет. Лиззи оборвала мне телефон, как только я вернулась в город. У Вайпер наводка: сын декана и наша «мисс Добродетель» с кафедры этики... Скажем так, намечается встреча не для официального буклета.

Миллер подмигнула подругам, поправляя косуху.

– Пахнет сенсацией для первой полосы студгазеты. Если управлюсь быстро и меня не повяжут за шпионаж, подскочу к началу.

– Только обойдись без звонков адвокату, – устало вздохнула Софи. – Мой лимит по вытаскиванию тебя из участков почти исчерпан.

– Удачи тебе, Кэт, – прошептала Джессика. – Будь осторожна.

Расплатившись и оставив щедрые чаевые, которые заставили Реми расплыться в улыбке, они вышли из уютного полумрака Le Papillon на залитый солнцем тротуар. Кэти махнула рукой и, как гончая, взявшая след, умчалась навстречу сенсации. Софи, сверившись с часами и поправив жакет, направилась в сторону кампуса – к учебникам по клинической психологии, анализу чужих комплексов и стабильно-предсказуемому Йену.

А Джессика осталась на тротуаре. Манхэттен вокруг гудел: клаксоны нетерпеливых такси, обрывки разговоров, ритм шагов тысяч прохожих. Она поправила ремешок сумочки и сделала глубокий вдох. Воздух пах кофе, выхлопными газами, дорогими духами и чем-то еще... чем-то неуловимо-прекрасным.

Джессика Пак шагнула навстречу городу, унося с собой не только послевкусие французского тоста и тепло дружеского смеха, но и неистовое, почти фанатичное намерение найти художника, оставившего след не только на стене переулка, но и, похоже, прямо в ее сердце.

Глава 4. Репортаж с уровня бордюра, или Как конвертировать ушибленное бедро в личный номер владельца Майбаха

Медовые лучи заката заливали кампус Колумбийского, превращая старинный кирпич в золото, но Кэти было плевать на романтику. Она прижалась спиной к шероховатому граниту колонны и растворилась в тени, став неотделимой от своей Leica. Легкий ветерок с Гудзона трепал волосы, но рука на кнопке спуска оставалась неподвижной. В видеоискателе, нацеленном на служебный выход: мисс Эвелин Уэзерби – эталон академической строгости, – нервно озираясь, прижималась к лощеному пиджаку Брекстона Холла.

– Попались, – прошептала Миллер, чувствуя привкус сенсации.

Она уже видела заголовки и восторг главного редактора. Видела, как профессора будут давиться утренним кофе, читая разгромную статью на первой полосе. Палец плавно нажал на спуск.

Щелк.

Звук затвора прозвучал слаще любой музыки. И еще один. Контрольный.

Щелк.

– Идеально, – выдохнула Кэти, убирая камеру в сумку, и поспешным шагом покинула территорию кампуса.

Прокручивая в голове предстоящий триумф, Миллер шагнула на проезжую часть. Обсидиановый капот «Майбаха S 680» вырос перед глазами так внезапно, что она не успела даже вскрикнуть. Глухой, мощный толчок в бок – и Кэти отшвырнуло на обочину. Бедро взорвалось вспышкой боли. Но страшнее удара был хруст стекла и металла, донесшийся из отлетевшей сумки. В глазах потемнело. Миллер распласталась на асфальте, пытаясь вдохнуть.

Урчание двенадцатицилиндрового двигателя затихло через секунду. Глухой хлопок двери. Затем – звук шагов. Твердых, уверенных, раздражающе спокойных. Тень накрыла ее, и над головой раздался низкий, обволакивающий баритон:

– Вы целы, мисс?

Кэти сфокусировалась. Над ней, заслоняя остатки заката, возвышался мужчина в безупречном антрацитовом костюме. Со светлыми, пепельного отлива волосами и модной челкой. Из-под манжеты белоснежной рубашки выглядывал циферблат Patek Philippe Grandmaster Chime. Но взгляд Кэти, профессионально цепляющийся за детали даже в состоянии шока, выхватил другое. В мочке правого уха незнакомца сверкнул квадратный черный бриллиант. Маленькая дерзкая деталь, которая совершенно не вязалась с образом корпоративной акулы.

Миллер встретила с ним взглядом. За тонкими стеклами платиновой оправы на нее смотрели пронзительные глаза цвета осенней Темзы, сквозящие холодным расчетом и вежливым беспокойством. От мужчины исходил сложный, гипнотический аромат: сандал, озон и какая-то холодная металлическая нотка.

«Черт возьми, – Кэти тревожно сглотнула. – Он дьявольски, просто неприлично хорош».

– Целы? – повторил мужчина, протягивая руку. – Мои извинения, мисс. Вы шагнули под колеса с такой... фатальной решимостью, будто тротуар внезапно стал тесен.

Внутри закипел вулкан. Миллер проигнорировала его ладонь и, преодолевая боль в бедре, поднялась сама.

– ЦЕЛА?! – выплюнула она, яростно отряхивая шпионский плащ. – Да просто превосходно! Лучший вечер в моей жизни! Вы вообще в лобовое смотрите, когда управляете этой... консервной банкой?! – Кэти ткнула пальцем в сторону радиаторной решетки, а затем ее взгляд зацепился за черную искру в ухе. – Или считаете, что «Майбах» и пижонский бриллиант делают вас хозяином дороги?!

На долю секунды лицо незнакомца окаменело. Вежливая озабоченность сменилась ледяным, оценивающим спокойствием. Мужчина медленно опустил руку.

– Признаю свою вину в этом... инциденте, – голос незнакомца стал суше, и в нем прорезался металл. – Но ваша манера вести диалог, мисс, столь же агрессивна, как и способ переходить дорогу.

Его взгляд скользнул к асфальту, где рядом с сумкой лежала Leica. Кэти вздрогнула, внезапно вспомнив о главном. Ярость мгновенно испарилась, уступив место холоду в груди. Она бросилась к камере, упав на колени прямо в дорожную пыль. Когда пальцы коснулись корпуса, сердце пропустило удар. Зловещая паутина трещин на передней линзе сверкну-

ла в свете фар.

– О нет... – выдохнула она.

Кэти щелкнула рычажком питания. Тишина. Маленький экран на задней панели остался мертвым. Она попробовала еще раз, надеясь услышать хотя бы короткий писк системы или шуршание затвора, но камера не подавала признаков жизни.

Мужчина сделал шаг ближе.

– Ваша техника... пострадала?

– ПОСТРАДАЛА?! – вырвалось у Кэти. Она резко выпрямилась, едва не задев его плечом. – Да она вдребезги! Объектив – в крошево!

Миллер мельком взглянула на боковую панель. Внутри все сжалось от паники. Крышка слота для карты памяти слегка деформировалась. Если от удара заклинило сам накопитель или, что хуже, произошел сбой и контроллер сгорел, вся засада, вся статья – в мусорку. Десять тысяч долларов превратились в хлам. Но стоило ей посмотреть на безупречный костюм и равнодушное лицо, в голове что-то щелкнуло.

«Если я сейчас расплачусь, он достанет чековую книжку и впишет сумму, даже не взглянув. Снисходительно похлопает по плечу и уедет. Для него я буду просто досадной помехой. Неуклюжей студенткой, чьи слезы можно купить».

Мысль обожгла сильнее, чем ссадина на бедре. Гордость взвилась на дыбы.

«Блефуй, Миллер. Преврати катастрофу в переговоры».

Кэти сглотнула подступившие слезы и натянула на лицо маску стервозной акулы пера.

– Вы хоть понимаете, *что* именно уничтожили? – заявила она, глядя прямо в глаза и демонстрируя изувеченную камеру как улику. – Камера принадлежит редакции. Внутри – уникальная оптика и материал, который должен уйти в печать сегодня.

Миллер позволила словам повиснуть в воздухе и добавила:

– Мой редактор будет в бешенстве. И поверьте, счет, который выставит издание за срыв дедлайна и порчу оборудования, вам очень не понравится. Даже с вашим... – она пренебрежительно кивнула на «Майбах», – ...бюджетом.

Кэти замолчала, не отводя взгляда, выдерживая паузу, достойную Мэрил Стрип. В глазах незнакомца промелькнуло что-то похожее на... веселье?

– Разумеется, я улажу это досадное недоразумение, – парировал он, игнорируя агрессивный тон. – Составьте спецификацию. Распоряжусь о доставке лучшего оборудования из доступного на рынке. Мы ведь не хотим, чтобы ваш редактор расстраивался из-за таких вульгарных мелочей, как бюджет?

«Распоряжусь? Доставят? – Миллер мысленно усмехнулась. – Ох, мистер, ты даже не представляешь, на что подписался».

– Что ж... – протянула она, делая вид, что взвешивает за и против. – Звучит как... начало диалога. Но, должна заме-

тить, ваша манера вождения все еще вызывает у меня желание позвонить не только редактору, но и адвокату.

Руки мужчины замерла у кармана пиджака, он чуть склонил голову и оценивающе скользнул взглядом по ее лицу: от упрямо вздернутого подбородка к напряженным, искусанным губам, а затем снова встретился с ее глазами.

– Адвокат – это тривиально, мисс. И, признаться, неоправданно долго, – в его голосе проскользнула бархатная, почти интимная нотка. – Я предпочитаю решать вопросы... более изящно. Встретимся завтра. Предоставлю возможность лично выбрать инструмент для спасения вашей карьеры.

– Завтра... – Кэти постучала пальцем по подбородку, изображая глубокую задумчивость, – допустим. Я подготовлю список требований к технике.

– Превосходно, – кивнул он. – В таком случае, для логики нашей... спасательной операции мне понадобится ваш номер. И, возможно, имя. Чтобы я знал, кому именно я должен.

– Кэти, – она бросила имя, как перчатку.

– Кэти, – эхом отозвался он мурлыкающей интонацией, обволакивая каждый звук, и протянул ей руку. – Дэвид.

Миллер после секундного колебания вложила свою ладонь в его. И тут же пожалела – или, наоборот, обрадовалась? Она почувствовала странный разряд – не статического электричества, а чего-то глубокого и вибрирующего. Рукопожа-

тие оказалось на удивление крепким, а его кожа, в отличие от ледяной ауры, – неожиданно горячей. Контраст сбил с толку сильнее, чем удар бампером.

– Что ж, Дэвид, – она аккуратно высвободила ладонь. – Жду звонка. Или сообщения.

– Разумеется.

Он достал из внутреннего кармана тонкий, матово-черный монолит без единого логотипа, который, вероятно, имел прямую линию с Пентагоном или Марсом.

– Диктуйте.

– Надеюсь, у вас пальцы не дрогнут, когда будете записывать мой номер, – не удержалась Кэти от шпильки, диктуя цифры.

Дэвид слегка приподнял бровь.

– Можете не сомневаться, Кэти, – ответил он с бархатной насмешкой. – Моя моторика безупречна. Свяжусь с вами сегодня вечером.

Он нажал на экран. Телефон Миллер завибрировал. Она удивленно посмотрела на сумку, потом на Дэвида.

– Прямой контакт, – на его губах появилась едва заметная усмешка.

Кэти невольно улыбнулась. Этот наглец играл по своим правилам, и у него чертовски хорошо получалось.

– Очень... предусмотрительно.

Дэвид сделал элегантный шаг к машине.

– До завтра, Кэти. И смотрите по сторонам, – сказал он с

легким прищуром. – Не хотелось бы повредить вас еще раз. Это становится накладно.

Перед тем как сесть за руль, он еще раз окинул ее взглядом. Дверца «Майбаха» захлопнулась с благородным щелчком, и машина плавно отчалила от тротуара, растворяясь в потоке.

Кэти осталась на пыльной обочине, сжимая ремешок сумки с убитой камерой, а в голове, перекрывая шум города, билась две мысли.

Первая, торжествующая: «Я только что развела пижона на технику».

И вторая, предательская и пугающая: «Черт возьми, я хочу увидеть его снова».

Но было и кое-что еще – чувство, зудящее на подкорке.

Его лицо показалось дразняще знакомым. Но не как лицо парня из бара или случайного знакомого с вечеринки. Где она видела этот высеченный профиль и взгляд, смотрящий на мир так, словно его обладатель приценивался к лоту? Светская хроника? Или статья о финансовых махинациях?

Пазл в голове не складывался, и это бесило больше, чем разбитый объектив. Миллер знала его лицо, но контекст ускользал, прячась в тених памяти. Она подняла руку в попытке поймать такси и посмотрела на номер в телефоне.

«Сохранить».

Дэвид. Просто Дэвид. Ни фамилии, ни должности. Только имя и самоуверенность, которой хватило бы, чтобы поста-

вить на колени весь Уолл-стрит. Кэти хмыкнула, бросая телефон в карман. Их странное знакомство больше походило на приглашение к игре, чем на ДТП. И судя по взгляду, мужчина привык, что его приглашения принимают без вопросов.

– Что ж, Дэвид, – прошептала она, садясь в подъехавшее такси. – Посмотрим, стоишь ли ты моего разбитого объекта.

Дверь захлопнулась. Кэти Миллер откинулась на сиденье, но электричество от встречи не отпускало. Она не знала, кто он, но была абсолютно уверена: этот тип не так прост, как его имя в списке ее контактов.

Глава 5. Синдром мистера Дарси, или Почему идеальные мужчины пахнут большими деньгами и еще бóльшими проблемами

Образ Дэвида преследовал Кэти всю дорогу. Его ледяное самообладание, отточенная до автоматизма вежливость... Бесили и одновременно интриговали. И да, к черту лицемерие – он был из тех мужчин, на которых оборачиваются даже такие циники, как она.

«Что это, Миллер? Адреналиновый всплеск? Или банальная реакция на идеально скроенный костюм и запах неприлично больших денег?»

Она дернула плечом, отгоняя унижительную мысль. Такси резко затормозило у кинотеатра. Кэти сунула водителю купюру и выскочила на тротуар.

Фойе встретило ее гулом голосов и приторным запахом попкорна. Подростки с ведрами колы, влюбленные парочки, очереди – обычная вечерняя суeta Нью-Йорка. Кэти прищурилась, сканируя толпу. Софи и Джессика стояли у огромной афиши. Волна облегчения смыла часть напряжения. Сейчас она выплеснет на них все: свой гнев, азарт, странное любопытство. Ей нужно услышать голос разума и восторженный

писк, чтобы вернуть вечер в нормальное русло и задвинуть Дэвида в папку «Случайные, но эффектные эпизоды». Миллер решительно двинулась к подругам.

– ...эстетизация насилия, Джесс! – чеканила Вандербилт. – Эксплуатация женской травмы ради кассовых сборов. Режиссер манипулирует зрителем, подменяя смыслы шок-контентом.

– Ну не будь такой категоричной, Соф, – мягко возражала Джессика, склонив голову. – Да, жестко, но ведь заставляет чувствовать. Разве искусство не должно вызывать эмоции, даже болезненные?

«Ледяная Логика против Святой Эмпатии», – усмехнулась про себя Миллер.

– Дамы, прошу прощения, что прерываю ваш симпозиум по этике, – громко окликнула она. – Но у меня новости, которые перекроют любой артхаус!

– Кэти! – Джессика радостно улыбнулась, забыв о страданиях женщин в кинематографе.

– Что с тобой, Миллер? – спросила Софи, окинув подругу взглядом. – Выглядишь... взъерошенной. Зрачки расширены, дыхание сбито. Ты от кого-то убегала? Или, наоборот, за кем-то гналась?

– Вы не поверите... – Кэти закатила глаза, пытаясь отдышаться и привести сердцебиение в норму. – Я сняла! Брекстон и Уэзерби... – она поморщилась, потирая ушибленное бедро. – Но, когда я, окрыленная успехом, летела к вам, ме-

ня едва не отправил на тот свет «Майбах»!

– Что?! «Майбах»?! – ахнула Джессика, хватая ее за руку.
– Кэт, ты не пострадала?!

Софи шагнула ближе, бесцеремонно поворачивая лицо Кэти за подбородок к свету.

– К черту Брекстона! Ты ударилась? – спросила она, проверяя реакцию зрачков. – Тошнота, головокружение? Миллер, не молчи! Нам нужно в травмпункт?

– Успокойтесь, – Кэти отмахнулась от их рук. – Я в порядке, если не считать пары синяков и адреналина, который можно разливать по бутылкам. Жива, цела и даже способна на сарказм. Но моей камере с объективом... – она трагически вздохнула, – ...а, возможно, и карте памяти с компроматом пришел бесповоротный капут.

Заметив сочувствие на лицах подруг, Миллер тут же улыбнулась, не давая вставить и слова.

– Зато... Я познакомилась с виновником краш-теста. И он оказался весьма примечательным.

– Примечательным мужчиной?! – выдохнула Джессика.

– Примечательным психопатом? – уточнила Софи.

– О, берите выше, – протянула Кэти, расправив плечи. – Высокий. Блондин. Костюм на нем сидел так, будто его шили ангелы, а оплачивали дьяволы. Глаза... пепельно-серые, как сталь, и такие пронзительные, что хочется проверить, застегнута ли молния на джинсах. Ну и, судя по машине и манерам: на счету половина офшоров Каймановых островов!

Миллер выдержала театральную паузу, глядя на их вытянувшиеся лица.

– И самое главное: «Мистер Безупречность» слезно поклялся купить мне новую камеру. Любую.

Джессика ахнула так громко, что парень в очереди поперхнулся попкорном.

– Ого! Кэти! Да это же чистые «Пятьдесят оттенков», только без контракта! – прошептала она с придыханием. – Прямо так и сказал: «Мадемуазель, я сломал вашу игрушку, позвольте купить вам фотостудию»? Вау, так... властно!

Софи вздохнула и посмотрела на подругу с выражением материнского сочувствия.

– Джесс, милая, – мягко проговорила она, – ты же в курсе, что это книга про БДСМ и психологические травмы?

– Там про любовь! – упрямо отмахнулась Пак, не желая рушить сказку.

Кэти щелкнула пальцами, возвращая внимание к себе.

– Ну, не так поэтично, Джесс. Пришлось немного... помочь ему прийти к решению. Добавить журналистского драматизма, так сказать. – Миллер невинно пожала плечами. – Я изобразила глубоко оскорбленную профессионалку, чей репортаж погиб под колесами его эго. Капелька праведного гнева, чуток ледяного презрения... и вуаля, – она хлопнула в ладоши, – парень созрел.

Софи скрестила руки на груди.

– Кэт, послушай меня внимательно, – сухо отрезала она.

– Это звучит как отличный сценарий для ромкома, но в реальности такие сюжеты заканчиваются в криминальной хронике...

– Ой, Соф, умоляю! – Миллер нетерпеливо махнула рукой, закатывая глаза. – Выключи режим тревожной матери! Я же не села в его машину. Это будет просто... компенсация. Справедливая плата за моральный ущерб и испорченный вечер. И, возможно, – она лукаво улыбнулась, – шанс посмотреть, как неприлично богатые парни расстаются с деньгами, когда чувствуют вину.

Джессика мечтательно вздохнула, прижав ладони к груди.

– Высокий, блондин, на «Майбахе», да еще и обещает купить камеру... Кэти, это же не мужчина, а единорог! Как его зовут? Сколько ему лет? Чем он пахнет?

Кэти довольно рассмеялась, вспоминая сложный, будоражащий аромат.

– Дэвид. Просто Дэвид. Лет... ну, тридцати, может, чуть больше...

– Тридцать с лишним? – переспросила Вандербильт. – Кэт, у вас десять лет разницы. У него другая лига, другой жизненный этап и совершенно другой уровень цинизма.

– Соф, не будь занудой. У моих родителей такая же разница, и они, между прочим, до сих пор держатся за руки, – ухмыльнулась Миллер и хитро подмигнула Джессике. – И вообще, как сказал наш главный эксперт: к черту цифры в паспорте, главное – искра. Верно, Джесс?

– Верно! – с жаром подтвердила Пак. – Если есть химия, остальное – просто арифметика!

– Ладно, допустим, – Софи покачала головой, понимая, что ее аргументы разбиваются о стену. – И что дальше, Кэт? Ты собираешься с ним встретиться? Ну, ради камеры, разумеется.

Кэти, поджав губы, посмотрела куда-то в потолок.

– Ну, ради камеры – точно, – уклончиво ответила она. – А там... посмотрим. Вдруг у него окажется хороший вкус не только на машины, но и на рестораны с приличной винной картой?

– Он уже и про ресторан намекал? – воскликнула Джессика. – Кэти, это серьезно!

Миллер, как прирожденная актриса, играющая главную роль в собственной драме, сделала шаг назад и оперлась о стену с афишами.

– Пока еще нет, моя нетерпеливая Джессика, – пренебрежительно хмыкнула она. – Но Дэвид взял мой номер телефона. В деловых целях, разумеется. Чтобы согласовать время.

– Ну, конечно. Исключительно в деловых, – тихо рассмеялась Софи. – Ты бы не была Кэти Миллер, если бы не умудрилась превратить банальное ДТП в завязку для остросюжетного романа. Или скандального журналистского расследования.

– А что, Соф? – Кэти самодовольно улыбнулась. – Жизнь слишком коротка, чтобы не добавлять в нее немного... пер-

чинки!

Она поправила растрепавшиеся волосы, чувствуя, как кончики пальцев все еще покалывает. Дэвид... этот загадочный, опасный, взрослый Дэвид... определенно зацепил какой-то крючок внутри нее. И Кэти Миллер была полна решимости дернуть за леску.

Внезапно карман плаща взорвался вибрацией. Сердце совершило кульбит и рухнуло в район ботинок. Кэти быстро достала телефон. Дэвид.

«Уже? – она почувствовала, как предательский жар заливает шею, а ладони становятся влажными. – Быстро. Слишком быстро. Граничит с наглостью».

– Что там, Миллер? Призрак разбитого объектива требует возмездия? – спросила Софи, кивнув на телефон. – Отвечать будешь? Или мы придерживаемся тактики «игнор – оружие королей»?

Кэти сунула телефон обратно в карман.

– Пусть помаринуется на медленном огне моего презрения, – бросила она с деланным безразличием. – Если отвечу сразу, он решит, что я ждала. Нужно держать марку.

Телефон продолжал вибрировать. А Миллер явно медлила, теребя пояс плаща, ее невозмутимость трещала по швам, а взгляд то и дело метался к карману.

– О господи, хватит ломать комедию! – воскликнула Джессика.

И прежде, чем Кэти успела набрать воздух для возмуще-

ния, Пак с ловкостью нюхлера⁷, почуявшего золотую монету, нырнула рукой в карман и выхватила телефон.

– А то останешься с разбитым стеклом и своей гордостью!

– ДЖЕСС!

Не обращая внимания на вопль подруги, Джессика быстро провела пальцем по экрану, принимая вызов, и сунула телефон прямо в руку ошарашенной Миллер.

– Пак! Ты... ты труп! – прошипела Кэти, с ужасом прижимая трубку к груди. – Я задушу тебя твоим же шарфиком Hermes!

Джессика лишь невинно хлопнула ресницами, отступая на безопасное расстояние.

Бросив на предательницу испепеляющий взгляд, Кэти развернулась и поспешила в более тихий угол фойе, на ходу пытаясь унять сердцебиение и придумать, как звучать максимально по-деловому.

Софи проводила подругу взглядом, а затем повернулась к Джессике.

– Пак, ты взломала систему безопасности Миллер за три секунды. Даже мне для такого обычно требуется бутылка вина.

– Учусь у лучших! – улыбнулась Джессика, кокетливо поправляя волосы.

Кэти, вжавшись спиной в стену, пыталась заставить лег-

⁷ Нюхлер – вымышленное магическое существо из вселенной «Гарри Поттера» и цикла «Фантастические твари».

кие работать.

«Соберись, Миллер. Ты не школьница, которой впервые звонит капитан футбольной команды. Ты – акула пера».

Она поднесла телефон к уху.

– Да?

Из трубки полился низкий, бархатный голос с ноткой веселья:

– Судя по пинтеровской паузе, вы решали дилемму государственной важности: ответить мне или заставить помучиться еще пару секунд ради имиджа. Надеюсь, я не прервал ничего... *монументального?*

Сердце подпрыгнуло и больно ударилось о ребра.

– Вы удивительно проницательны, Дэвид, – парировала Миллер, чувствуя прилив азарта. – Я как раз находилась в эпицентре сложнейшего выбора между соленым и карамельным попкорном. Но готова отвлечься. Хотя не прошло и часа, а вы уже...

– Я ценю эффективность, Кэти. И предпочитаю не оставлять незакрытых счетов. У меня впереди... – он сделал едва заметную паузу, – ...весьма насыщенный вечер, требующий полной концентрации. Хочу уладить вопрос сейчас. Я заеду за вами в шесть.

– В шесть? – переспросила Миллер, делая вид, что листает ежедневник. – Хм... Дайте-ка подумать... Придется сдвинуть пару встреч и, возможно, пожертвовать одним интервью... Но... так и быть. Я готова пойти на эти жертвы.

– Ценю вашу гибкость, Кэти. Пришлите адрес сообщениям.

– Непременно пришлю. Как только найду минутку в своем плотном графике.

На том конце провода повисла короткая пауза.

– Кэти... – голос Дэвида приобрел глубину. – Я редко позволяю себе терять контроль над ситуацией. Тот факт, что я подверг вас риску, – недопустимая оплошность. И, поверьте, испорченная техника – это последнее, что меня сейчас волнует.

Миллер почувствовала, как лед сарказма дает трещину под его искренностью.

– Все в порядке, Дэвид. Правда, – мягко ответила она, потирая ушибленное бедро. – Главное, что обошлось без «скорой». Ну, почти.

Кэти помолчала секунду, чувствуя, как ситуация меняется, и не в силах сдержать улыбку, добавила:

– К тому же... если бы не ваша манера вождения, я бы так и осталась со своей пусть и любимой, но уже порядком уставшей камерой. Так что в каком-то извращенном, капиталистическом, смысле... спасибо? За такой... внезапный апгрейд.

Дэвид на том конце провода рассмеялся – тихим, вибрирующим тембром, от которого у нее потеплело в животе.

– Значит, будем считать наш инцидент инвестицией в вашу карьеру, Кэти? – в его тоне Кэти почудилась улыбка.

– Может быть, Дэвид. Может быть, – ответила она с легким придыханием, которое сразу же возненавидела. – Но у вас есть все шансы испортить впечатление завтра.

Миллер почувствовала, что пора ставить точку. Еще пара секунд его бархатного голоса в ухе, и она окончательно потеряет самообладание и замурлычет в трубку.

– До завтра, Дэвид. И постарайтесь держать свой бампер при себе.

Она быстро нажала на кнопку отбоя. Сделала глубокий вдох, бросила телефон в сумку и, вытерев ладонь о джинсы, направилась к подругам. Кэти обнаружила их на диванчике с глянцевым журналом, но при ее появлении обе синхронно подняли головы.

– Ну?! – выпалила Джессика. – Что он сказал? Уже забронировал столик на крыше Эмпайр-Стейт-Билдинг? Умолял дать шанс искупить вину бриллиантами и вечной любовью?!

– Ради всего святого, Джесс, выдыхай! – Миллер громко цокнула. – Ты пересмотрела дорам. Все прозаично: встречаемся завтра в шесть.

– И? – спросила Софи. – Каков предварительный вердикт?

– Скажем так, он... умеет держать паузу. – Кэти на секунду прикрыла глаза, вспоминая тембр его голоса. – И в нем есть... порода. Он извинялся, но звучал так, будто оказывал мне услугу. А его спокойствие... оно одновременно бесит и, черт возьми, интригует.

– Интересная рационализация, Кэт, – отметила Софи про-

хладным тоном. – Но давай уточним переменные. Твоя внезапная тахикардия и расширенные зрачки – это реакция на его сложный психотип или на платежеспособность?

Кэти возмущенно вздохнула, но предательский жар все-таки коснулся щек.

– Какая низость, Вандербильт! – с наигранной обидой воскликнула она. – Ты всегда сводишь все к базовым инстинктам и расчетам. Я, конечно, ценю комфорт, но не до такой же степени! Там есть и другие... весьма интригующие ингредиенты.

Миллер помолчала, подбирая слова, чтобы они звучали убедительно даже для Софи.

– Например... интеллект. У него британское чувство юмора с изрядной долей иронии, а умение так тонко язвить – верный признак высокого IQ. Плюс то, как на нем сидит костюм... сплошная эстетика. И, чего уж там скрывать, – она понизила голос, – чертовски сексуальная эстетика.

– Я так и знала! Я всегда говорила, что ты тонкий ценитель! – радостно заявила Джессика, пружиня на месте. – Ну а недостатки, Кэт? Не может же он быть идеальным! Должна же быть какая-то... – она бросила взгляд на Софи, подбирая слово, – патология?!

Кэти наморщила лоб.

– Недостатки... – протянула она, перебирая в памяти детали их встречи. – Ну... он показался мне контролирующим. И, пожалуй, нарциссичным, но дело даже не в этом. Он ка-

кой-то... стерильный, понимаете? Чересчур безупречный и аккуратный, что ли.

– Знакомый профиль, – кивнула Софи, ставя галочку в невидимой медицинской карте. – Слишком много таких «Дэвидов» проходило через гостиную моего отца. Обычно за вылизанной безупречностью скрывается либо звенящая пустота, либо подавленная агрессия.

– Подавленная агрессия? – шепотом переспросила Джессика, округлив глаза. – В смысле, он пугающий? Как бездушный робот? Или... как суровый джентльмен из девятнадцатого века?

Кэти щелкнула пальцами.

– Второе, Джесс! Он слишком правильный и галантный, – Миллер усмехнулась. – Мистер Дарси, только в декорациях современного Нью-Йорка... – она замолчала, с легкой брезгливостью наблюдая, как компания парней на диванчике громко гогочет, разбрасывая попкорн. – Хотя надо отдать ему должное... в архаичном обаянии есть свой шарм. В наше время таких благородных динозавров почти не осталось.

Софи задумчиво поправила косички и посмотрела на подругу с легким прищуром.

– Миллер, не слишком ли он пресный для твоего изощренного вкуса? Ты ведь питаешься дофаминовыми штормами, а тут – сплошной протокол.

Кэти оперлась о стену.

– В этом весь кайф, девчонки. Он как идеально натянутый

холст – так и подмывает схватить краски и добавить на него грязных мазков!

– О да! Абсолютно! – подхватила Джессика с видом знатока человеческих душ, который прочитал все романы мира. – Безупречные парни – это же как музейные экспонаты. смотреть можно, трогать нельзя, и скучно! Куда интереснее, когда есть... потенциал! Когда можно что-то исправить, где-то подкрутить, спасти его от самого себя...

Вандербилт усмехнулась и поднялась с места, стряхивая пылинку с брюк.

– Ладно, юные реформаторы, – сказала она, глядя на часы. – Оставим глубокомысленную философию на тему «как испортить идеального мужчину» для более подходящей обстановки. «Необратимость соблазна» вот-вот начнется.

– Идем! – хором отозвались подруги.

Кэти и Джессика, не сговариваясь, вооружились огромными ведрами карамельного попкорна и стаканами колы. Софи же, брезгливо оглядев витрину с начос, залитыми химически-желтым сыром, подошла к кассе с выражением лица санитарного инспектора.

– Бутылку воды без газа. Комнатной температуры, – отчеканила она, бросив на подруг взгляд: «Я буду лечить ваш диабет, когда вам стукнет сорок».

Они протиснулись в полутемный зал и плюхнулись на места в первом ряду. Рекламные ролики сменились первыми кадрами. На экране разворачивалась глянцевая драма о ро-

ковой женщине, но мысли Кэти летали далеко от сюжета. Впервые в жизни ее собственная драма казалась куда более захватывающей.

Она машинально зачерпнула горсть попкорна, пытаясь сосредоточиться на простом действии: хруст, приторная сладость, глоток колючей газировки. Но в голове снова и снова звучал низкий, бархатный голос. Дэвид. Случайный незнакомец непостижимым образом оккупировал все ее сознание, бесцеремонно вытеснив оттуда и возможную сенсацию, и переживания подруг, и даже сюжет фильма. Пальцы сжались, превращая кукурузные хлопья в липкую крошку. И ее прошибло.

«Адрес! Ты забыла отправить адрес! Он что, должен угадать по звездам?!»

Кэти, бормоча проклятия, принялась лихорадочно рыться в сумке. Соседи недовольно зашикали, пока она выуживала телефон из-под пачки салфеток и искореженного корпуса камеры, которая при каждом движении отзывалась противным, металлическим лязгом. Прикрывая экран ладонью, чтобы свет не бил в глаза всему ряду, Миллер быстро набрала сообщение.

Кэти: Трайбека, Гринвич-стрит, 88.

Нажала «отправить» и погасила дисплей, ожидая ответа.

На экране кинотеатра черно-белая дива в шелковом халате выпустила струйку дыма в лицо детективу и промурлыкала что-то дерзкое и дьявольски притягательное. Мужчи-

на, секунду назад сжимавший в кармане наручники, теперь смотрел на нее, признавая свое полное и окончательное поражение.

Кэти уставилась на телефон в руке.

«Трайбека, Гринвич-стрит, 88».

Сухо, как инструкция к микроволновке. Так вызывают курьера с пиццей. Но Дэвид... Дэвид сбил с ног – во всех смыслах. Она снова посмотрела на экран кинотеатра. Там героиня не давала прямых ответов. Она намекала. Играла.

«К черту осторожность, – подумала Миллер. – Если уж я связываюсь в игру с таким типом, то не буду вести себя как испуганный кролик».

Хищно улыбнувшись, она быстро набрала второе сообщение.

Кэти: Ориентир – блондинка в темном плаще. Постарайтесь припарковаться без спецэффектов. ##

Убедившись, что галочка «доставлено» появилась, Миллер с шумным выдохом откинулась на спинку кресла. На экране героиня декламировала пафосный монолог о том, что любовь – это поле битвы.

«О да, детка, – Кэти криво усмехнулась. – Провокация – искусство. И я тоже в этом кое-что понимаю».

Телефон завибрировал. Сердце пропустило удар. Она быстро раскрыла уведомление.

Дэвид: Адрес принял. Постараюсь узнать вас без помощи подушек безопасности. До завтра, Кэти.

Непроизвольная улыбка тронула губы. Похоже, игра, назначенная на завтра, обещала быть чертовски интересной.

Глава 6. «Форсаж» для самых маленьких, или Почему ПДД бессильны перед женщиной, которая решила, что нашла судьбу

Попрощавшись с Кэти и Софи, Джессика почувствовала почти гравитационную тягу к той стене. Она прыгнула в свой «Мини Купер», бросила сумочку на пассажирское сиденье и решительно вдавила педаль газа.

Витрины, рекламные щиты, бесконечный поток фар сливались в привычную симфонию мегаполиса. Джессика вела «Канарейку» по памяти, а ее сердце отбивало бешеный ритм, идеально попадая в такт басам К-роп-трека, гремевшего из динамиков.

Добравшись до нужного квартала, она загнала машину в тень, заглушила мотор и прилегла на руль, вглядываясь в темноту через лобовое стекло. Скупой свет фонаря превращал граффити в живой, пульсирующий пролом реальности. Фигура женщины дышала мощью, а краски в полумраке приобрели мистическую глубину. По коже снова пробежали мурашки. Джессика могла бы смотреть на это вечно, пытаясь расшифровать каждый штрих, впитать эту дикую, необузданную энергию.

Вдруг... от стены соседнего здания отделилась тень. Человек полностью в черном: мешковатые штаны, объемное худи, капюшон которого надежно скрывал лицо и респиратор, превращающий его в анонимного городского призрака.

«Это он! – Пак чуть не завизжала от радости. – Боже мой!»

Она вжалась в сиденье, боясь дышать и чувствуя себя Ариэль, с трепетом наблюдающей за принцем из другого, опасного мира. Парень замер перед стеной на несколько секунд, словно вслушиваясь в тишину ночного города или в свой собственный, невидимый ритм, а затем извлек из рюкзака баллончик. Легкое шипение – и рядом с женщиной стали появляться новые линии и штрихи.

В каждом его движении чувствовалась невероятная точность. Тело двигалось в завораживающем танце – художник приседал, вытягивался, отступал на шаг и снова бросался в бой с кирпичом. Баллончик в руке превратился в волшебную палочку, создающую новые миры.

Джессика, затаив дыхание, наблюдала, как под его руками граффити оживает, как добавляются новые детали, новые акценты, делая рисунок глубоким, почти трехмерным. Сердце стучало так, будто хотело вырваться из груди и присоединиться к танцу краски.

В голове вихрем испуганных бабочек проносились мысли: «Кто он? Уличный маг? Принц-изгнанник, который говорит с городом на языке цвета? Почему он прячет лицо? И главное... я... я смогу с ним поговорить? Он... позволит?»

Художник работал еще минут десять, может, пятнадцать. Джессике это время показалось вечностью и одновременно мгновением. Парень сделал несколько шагов назад, критически оглядел свою работу, удовлетворенно кивнул сам себе и принялся собирать баллончики в рюкзак.

«Часы бьют двенадцать! Сейчас он исчезнет!»

Мысль, что он растворится в ночи, обожгла пламенем паники.

«Нет! Это будет преступлением против судьбы! Я должна... я должна хотя бы попытаться!»

С неожиданной для себя решимостью Пак распахнула дверцу и выскочила на тротуар.

– Эй! Постойте! – крикнула она, и мелодичный голос сорвался на пронзительный визг, в котором смешались паника и фанатичное ликование. – Пожалуйста, не уходите! Ваша картина... Просто магия! НАСТОЯЩАЯ МАГИЯ!

Парень, почти растворившийся в тени соседнего здания, резко обернулся. Капюшон скрывал лицо, но Джессика физически ощутила на себе его взгляд – тяжелый и напряженный. Секунда. Две. Художник метнулся к стене. Из густой тени вынырнул скейтборд. Доска ударилась об асфальт – и в ту же секунду он превратился в ветер, уносясь прочь.

– НЕТ! СТОЙТЕ! – крикнула Джессика, но тот даже не обернулся.

Ее на мгновение парализовало, а потом она бросилась обратно к «Канарейке». Образ женщины, разрывающей цепи,

перевесил страх. Джессика повернула ключ. Салон взорвался агрессивным, пульсирующим битом трека Stray Kids – God's Menu.

###⁸! – рывкнули динамики, принимая безумный заказ на погоню.

«Мини» задрожал, выдавая максимум децибел. Шины взвизгнули – и ярко-желтая капсула рванула с места на проезжую часть.

«Господи, мой инструктор по вождению сейчас проснулся в холодном поту».

Пак врубил дальний, и мощные лучи выхватили из темноты удаляющуюся фигуру. В свете фар Джессика увидела, как художник обернулся и прибавил ходу.

То, как он ехал, было продолжением его искусства: резкие, ломаные движения, напоминающие линии граффити. Он писал своим телом поверх городской архитектуры. Лавировал между полуночниками. Перепрыгивал через бордюры. Скользил по перилам лестниц.

⁸ Да, мадам! (кор.)

DU DU DU DU DU DU!

Бас качал, идеально совпадая с ритмом его прыжков. Джессика вцепилась в руль до онемения пальцев. «Канарейка» жалобно скрипела на поворотах, но послушно преследовала цель, петляя по темнеющим улочкам. Внезапно художник круто вильнул в узкую щель между двумя зданиями. Пак ударила по тормозам.

– Черт!

В голове на адреналине вспыхнула карта района. Коридор вытолкнет его на площадь с реставрируемым фонтаном.

– Не уйдешь.

Пак вдавила педаль газа в пол. «Мини» взревел, огибая квартал. Машина вырвалась на площадь. Два луча прорезали темноту, поймав фигуру, вылетающую из переулка.

Cookin' like a chef I'm a five star Michelin!⁹

Низкий, рокочущий голос ударил в виски, когда Джессика отрезала путь. Парень дернулся, вскидывая руку к лицу, закрываясь от слепящего потока. Он спрыгнул с доски, позволяя той лететь дальше, а сам попытался сгруппироваться. Но тяжелый рюкзак перевесил, грубо дернув его назад. Художник неловко пошатнулся, едва не рухнув на спину, и, чиркнув кедами по асфальту, с трудом удержал равновесие.

– Блядь! – искаженное респиратором ругательство донеслось до Пак сквозь стекло.

⁹ Готовлю как шеф-повар, я получил пять звезд Мишлен (англ.)

Скейт, скрежеща колесами, пролетел еще несколько метров и исчез под бампером «Канарейки». Джессика приросла к рулю. Страх, что она могла его сбить, смешался с дикой радостью.

«Догнала».

Но художник метнулся к пожарной лестнице, змеившейся по стене. Под его ногами гулко зазвенел металл. Секунды, и парень оказался на фоне иссиня-черного неба. Он замер на краю крыши, глядя на машину. Джессика подалась к лобовому стеклу, почти вжимаясь в него носом, пытаясь разглядеть лицо.

Художник потянул ткань худи. Скинул капюшон. Пак перестала дышать. Его лицо скрывали респиратор и тени, но она увидела растрепанные волосы. Очертания скул. И, кажется, блеск глаз. Парень приложил два пальца к виску и дерзко отсалютовал.

В следующее мгновение он накинул капюшон и растворился в ночи.

Джессика с шумом выдохнула. Пальцы, добела сжавшие руль, мелко дрожали. Она заглушила мотор, и на площадь обрушилась тишина, в которой пульсировал только бешеный ритм сердца.

«Его жест... насмешка? Или что-то другое? И что я только что натворила? Погоня по ночному городу... Софи бы меня убила. Мама бы эксгумировала и убила снова. Это так... не похоже на меня».

Пак вывалилась из машины. На ватных ногах обошла капот. С трудом вытащила тяжелый, побитый жизнью скейтборд. Провела пальцем по шершавой поверхности гриптейпа – наждак царапнул нежную кожу. Крутанула колесо, и подшипники отозвались тихим шелестом – звуком его свободы.

Дно доски покрывала черно-белая графика, прорезанная яростными бордовыми акцентами. Вязь агрессивных линий выстраивала силуэт мифического зверя. От скейта пахло асфальтом, ночной сыростью, краской и чем-то неуловимо личным – запахом таланта.

Этот кусок дерева был *самым настоящим*, что Джессика Пак держала в руках за последние годы. Ее накрыло волной противоречивых чувств. Разочарование, оттого что художник исчез. Шок от собственной безрассудной смелости. И благоговейный трепет перед тем, что она увидела, – рождением шедевра.

Она чувствовала, что за образом уличного художника скрывается дикий и необузданный нерв города. Салют на крыше перестал казаться издевкой. Он превратился в искру. В обещание тайны, брошенное к ее ногам, как цветок на сцену.

Джессика вернулась в салон и бережно положила скейт на пассажирское сиденье рядом с сумочкой. Идеальная, веющая дорогим бутиком кожа – и шершавая, пропахшая асфальтом доска. Ее «золотая клетка» и его безусловная свобода.

«Кто ты, таинственный художник? – Джессика посмотрела на темную крышу. – Почему прячешь лицо, когда твои руки создают такое? Я должна понять, что ты хотел сказать».

Она повернула ключ зажигания. «Канарейка» ожила, осветив фарами площадь, и салон снова наполнил качающийся бит Stray Kids. Но сейчас он разбивал магию момента. Джессика коснулась экрана, смахивая плейлист. Ей нужно было что-то, что соответствовало бы тишине ночи и трепету в груди.

Хрупкие ноты Ruth B. – Lost Boy наполнили салон, мягко вытесняя остатки адреналина. Пак бросила последний взгляд на крышу и плавно тронулась с места.

There was a time when I was alone...¹⁰

Nowhere to go and no place to call home...¹¹

Джессика невольно улыбнулась, глядя на потертое дерево своего безмолвного пассажира.

Run, run, lost boy, they say to me...¹²

– Беги, беги, потерянный мальчик, – тихо подпела она, выруливая на проспект. – Но я все равно тебя найду.

Сегодня желтая «Канарейка» впервые вылетела на охоту. И пусть добыча ускользнула, растворившись в ночи, как мальчишка из Неверленда, Джессика Пак везла домой предчувствие истории, которая будет ярче, опаснее и, возможно,

¹⁰ Когда-то я был совсем один,

¹¹ Некуда было идти, нечего было назвать домом (англ.)

¹² Беги, беги, потерянный мальчик, говорили они мне (англ.)

романтичнее всего, о чем она когда-либо читала.

Глава 7. Искусство молчания, или Как сохранить лицо, когда тебя везут как ценный груз, но игнорируют как собеседника

Гардеробная Кэти превратилась в поле битвы. Привычные джинсы она отвергла сразу. Для игры с таким типом, как Дэвид, требовалось что-то другое. Миллер перебирала вешалки, отбрасывая свитера и рубашки, пока рука не наткнулась на платье-футляр. Лаконичное, как выстрел. Оно обнимало фигуру, не оставляя места воображению, но и не переходя грань вульгарности. Она добавила к образу черные лодочки на головокружительной шпильке и нитку жемчуга – мамин подарок, который всегда казался слишком буржуазным, но сегодня пришелся как нельзя кстати. Зеркало отразило уверенную и соблазнительную незнакомку.

– Вот так, – усмехнулась Кэти, делая фото.

Без четверти шесть Миллер уже не находила себе места, курсируя между диваном и окном. Улица внизу жила в ритме вечернего часа пик, но нужной машины не было.

«А если не приедет? – подумала она, одергивая платье. – Если сидит в своем кабинете и смеется над "дерзкой журналисткой", которая поверила, что может его шантажиро-

вать?»

– Нет, Миллер, – прошипела она отражению в стекле. – Этот тип не из тех, кто бросает слова на ветер.

Наконец, из потока желтых такси выплыл удлинённый седан. Сердце сорвалось с места и, смеясь, сделало мертвую петлю. Игра началась.

Последний штрих – дурманный Black Orchid. Схватив сумочку и накинув плащ, Кэти вышла из лофта, стараясь ступать так, словно каждый день спускается к владельцам «Майбахов» – с грацией, граничащей с высокомерием.

Дэвид в чернильно-синем костюме и белоснежной рубашке с галстуком цвета выдержанного вина ждал у машины. Он стоял неподвижно, излучая пугающую безупречность, от которой у Миллер моментально пересохло в горле.

– Добрый вечер, Кэти, – он скользнул по ней взглядом и распахнул заднюю дверь. – Выглядите ослепительно. Платье – как заявление. А парфюм – он чуть повел носом, – сложная композиция. С ноткой опасности. Вам подходит.

Кэти почувствовала, как предательский румянец заливает лицо.

«Миллер, держи марку! Один комплимент – и ты уже готова растечься лужицей?»

– Добрый вечер, Дэвид, – равнодушно процедила она.

Ступив в прохладное нутро салона, Кэти заметила опущенное стекло перегородки.

«Где водитель?»

Дэвид закрыл дверь, обошел машину и сел за руль. Кэти замерла, глядя в его затылок.

– Вы тоже... ничего, – бросила она, пытаюсь скрыть растерянность. – Решили поработать водителем?

– Иногда, Кэти, – ответил он, запуская двигатель, – водитель нужен, чтобы игнорировать дорогу. Но в данном случае... я предпочитаю видеть, куда мы едем, своими глазами.

– Тогда, куда же направимся, о щедрейший из незнакомцев? – спросила Миллер, подавляя странное напряжение. – Предпочтения имеются? Или мне самой выбрать место для вашей... финансовой казни?

Дэвид плавно тронулся, вливаясь в поток машин.

– Полностью полагаюсь на ваш вкус, – равнодушно ответил он. – Назовите адрес. Вы здесь эксперт, я лишь... спонсор.

«Серьезно? – Кэти сжала зубы. – Я лишь спонсор»? Как скучно».

– Хорошо. Тогда В&Н. Девятая авеню. Устроит?

Она бросила название, ожидая, что Дэвид поморщится от упоминания шумного магазина.

– Как скажете, – он плавно повернул руль.

В салоне повисла некомфортная тишина. Дэвид вел автомобиль с раздражающей легкостью. Едва касаясь кожаного руля, он прошивал безумную сутолоку авеню, заставляя хаос города расступаться перед капотом.

Миллер потянулась к шее, нервно перебирая прохладные

жемчужины. И поймала его взгляд в зеркале заднего вида. Он смотрел прямо на пальцы, сжимающие ожерелье. Кэти резко отдернула руку и сжала кулаки на коленях.

– Так и будем молчать, Дэвид? – голос зазвенел от яда. – Или у вас припасен плейлист для неловких пауз? Могу на-
кидать пару треков.

Дэвид чуть повернул голову.

– Предпочитаете светскую беседу о погоде? – спросил он вежливо бесящим тоном. – Или мне стоит развлечь вас пикантными историями из жизни? Боюсь, они покажутся излишне... пресными для такой искушенной натуры.

– Оставьте свои истории для мемуаров, – фыркнула Миллер. – Я пытаюсь понять человека, который вчера чуть не отправил меня в травматологию. А вы, признаться, мало что проясняете своей... загадочной немотой.

Дэвид сосредоточился на дороге. В профиль он выглядел как римский император, чеканящий монету: жесткий, красивый и абсолютно равнодушный.

– Возможно, – ответил он после долгой паузы. – Но я всегда считал, что действия громче слов. Вы так не думаете?

Кэти демонстративно поджала губы, отворачиваясь к окну.

Остаток пути они ехали в оглушающем молчании. Миллер то и дело ловила его внимание в зеркале заднего вида – холодные графитовые глаза, которые на секунду отрывались от дороги, чтобы встретиться с ее. Дэвид смотрел на нее, оце-

нивая: волнение, злость, попытки казаться равнодушной. И каждый раз, когда их взгляды пересекались в прямоугольнике зеркала, по ее позвоночнику пробегал разряд тока.

Наконец, «Майбах» плавно затормозил у оживленного входа в В&Н. Дэвид заглушил двигатель и вышел из машины. Кэти наблюдала, как он обходит автомобиль – с грацией хищника, который знает, что добыча никуда не денется. Дверь распахнулась, и он галантно протянул руку.

– Что ж, Кэти. Продемонстрируйте, какое «оружие возмездия» выберет профессионал вашего уровня. Посмотрим, смогу ли я его для вас... достать. И не разориться окончательно.

Миллер смирив ладонь протянутую ладонь скупающим взглядом. Ей хотелось проигнорировать этот жест и выйти самой, но не желая выглядеть капризным подростком, она все же приняла помощь. И на долю секунды, вопреки логике и злости, ее потянуло задержаться в этом тепле, почувствовать его силу чуть дольше. Мысль показалась настолько предательской, что она отдернула руку.

– Беспокоитесь о своем кошельке? – бросила Кэти. – И правильно. Я, знаете ли, не привыкла выбирать... самое дешевое. Особенно когда речь идет о компенсации. За смертельный испуг. И за мою, между прочим, почти разбитую профессиональную гордость.

На губах Дэвида скользнула тягучая улыбка. В ней читалось искреннее, почти мальчишеское любопытство, смешан-

ное с вызовом взрослого мужчины, который знает цену своим желаниям.

– Профессиональная гордость, Кэти, – его голос приобрел вибрирующую хрипотцу, – вещь, безусловно, бесценная. И я готов приложить все усилия, чтобы восстановить ее в полном объеме. И даже... с запасом прочности.

Волоски на руках встали дыбом. Желание съязвить застряло в горле, сменившись странным оцепенением. Дэвид сделал шаг, вторгаясь в личное пространство.

– Так что не стесняйтесь в выборе, – промурлыкал он. – Мои финансовые возможности способны выдержать неприлично... амбициозные запросы.

Слова о деньгах должны были разозлить. Но сейчас, оброненные так близко, они прозвучали обещанием исполнить любой каприз. Дэвид с нескрываемым удовольствием скользнул взглядом по ее шее, задержался на вырезе платья, спустился к бедрам и наконец остановился на шпильках.

– Особенно если они исходят от такой... эффектной профессионалки.

Кэти почувствовала, как на коже остается невидимый, горячий след. Под его напором людный тротуар растворился, уступая место иллюзии интимного полумрака спальни. Вместо возмущения по телу разлилась тяжелая, сладкая истома. Ей захотелось податься вперед. Узнать, каковы на вкус эти губы, роняющие двусмысленности бархатным шепотом.

«Черт! Миллер, стоп!»

Кэти сделала глубокий вдох, загоняя наваждение подальше.

– Что ж. Раз уж вы так... настаиваете. Я постараюсь не разочаровать аппетитами своего профессионализма.

Вскинув подбородок, Миллер развернулась и направилась к стеклянным дверям магазина.

«Черт возьми, рядом с ним я определенно не чувствую себя Гулливером, – подумала она, ощущая, как дрожат колени. – Скорее уж... белым кроликом, который вместо того, чтобы бежать, замороженно смотрит в глаза голодному лису».

Дэвид двинулся следом. Он шел чуть позади, но его присутствие давило на плечи, обжигая спину. Кэти казалось, что она слышит его дыхание, улавливает тепло, исходящее от тела. Стальные глаза сверлили затылок, скользили по спине и оценивали каждое движение бедер. Игра определенно набирала обороты. И Кэти Миллер, к собственному ужасу и стыдному восторгу, поняла, что ей это нравится. Очень, очень нравится.

Глава 8. Сценарий «Красотки» для фотографов, или Как продать свои принципы за полный комплект Canon

Огромный зал В&Н встретил ароматом новой электроники, гулом голосов и мерцанием тысяч экранов. Кэти почувствовала себя рыбой, вернувшейся в океан. Дэвид же остановился. На его лице проступил оценивающий прищур человека, который оказался посреди восточного базара.

– Масштабно, – выдал он ровным тоном. – Напоминает биржу в час пик, только вместо акций – стекло и пластик. Полагаю, навигация здесь доступна лишь посвященным?

Миллер не смогла сдержать внутреннего злорадства. Пусть мужчина и держал лицо, но здесь, среди проводов и суеты, его костюм и манеры казались чужеродными.

– Не волнуйтесь, Дэвид, – бросила она с легким превосходством. – Просто держитесь в кильватере и постарайтесь не отставать.

Кэти вызывающе двинулась вперед, лавируя между покупателями, везущими громоздкие тележки, и застывшими зеваками. Дэвид шел следом, ступая сквозь толпу как монарх, вынужденный инспектировать шумные, но функциональные

заворотки цивилизации.

Наконец, они достигли секции профессиональных фотокамер. За стеклянными витринами сверкали корпуса и объективы Canon, Nikon, Sony и, конечно же, Leica – объекты вожделения и финансовых терзаний любого фотографа.

– Ну вот, Дэвид, мы на месте, – объявила Кэти, останавливаясь перед рядом флагманских моделей. – Теперь начинается самое интересное. Приготовьтесь удивляться и, возможно, чуток раскошелиться.

Она начала свой «экспертный обзор», плавно переходя от стенда к стенду, с нескрываемым наслаждением жонглируя терминами: «кроп-фактор», «динамический диапазон», «пятиосевая стабилизация». Ее пальцы порхали по кнопкам и кольцам объективов с уверенностью пианиста.

Дэвид слушал. И слушал совсем не так, как она ожидала. Он не смотрел на часы, не проверял телефон и не блуждал скучающим взглядом по залу. Склонив голову набок и засунув руки в карманы, он превратился в слух.

– Каковы ключевые преимущества этой матрицы перед предыдущим поколением? – неожиданно спросил он, разглядывая недавно поступивший в продажу Canon. – Помимо цены, разумеется. Она выглядит... весьма красноречиво.

– В том, что она позволит вам, Дэвид, рассмотреть каждую ресничку на портрете, даже если он снят при свете одной спички, – увлеченно ответила Миллер, скользя пальцем по характеристикам на ценнике. – И да, за такое удовольствие

всегда приходится платить. Искусство требует жертв, знаете ли. Особенно от кошелька спонсора.

Дэвид едва заметно улыбнулся ее шпильке.

– Насколько эффективно система автофокуса справляется при низкой освещенности? – уточнил он, когда Кэти остановилась у витрины с последними моделями Sony. – Скажем, при съемке ночного репортажа? Для журналиста, я полагаю, скорость реакции – критический актив?

«Черт возьми, он не притворяется, – пронеслось в голове. – Он слушает, и ему интересно».

Кэти было бы проще, если бы он оказался просто богатым парнем, которому скучно. Но перед ней стоял человек, жадно поглощающий новую информацию, уважая сложность предмета.

– Система поймает фокус быстрее, чем вы успеете сказать «эксклюзив», – наконец отмерла она. – Даже если объект съемки будет метаться как загнанный зверь или, наоборот, прятаться в темных углах. Проверено на собственном опыте.

Когда Миллер закончила импровизированный ликбез, Дэвид посмотрел на нее с холодным, но искренним восхищением.

– Впечатляет, Кэти, – он задержался взглядом на лице, раскрасневшемся от профессионального азарта. – Вы – виртуоз. Редко встретишь такое сочетание страсти и технической грамотности.

Миллер почувствовала, как волна гордости щекочет само-

любие, но тут же мысленно дала себе пощечину.

– Это моя работа, Дэвид, – ответила она, небрежно пожимая плечами. – Но мой профессионализм не отменяет того факта, что вы у меня в долгу. И я, признаться, пока не решила, как именно вы будете его гасить. Покупка камеры – всего лишь... начало переговоров.

– Неужели? – он чуть заметно приподнял бровь. – Я полагал, что возмещение ущерба – финишная прямая. Или я упустил мелкий шрифт в устном контракте?

Кэти глянула на витрину, где в свете софитов, как короны в Тауэре, сияли флагманы индустрии. Она хотела ткнуть пальцем в самую дорогую «тушку» и объектив, но тут же поняла: нужно нечто большее. Нечто, что заставит его спокойствие треснуть. Миллер плавно повернулась к нему, включив режим «роковой женщины» на максимум.

– Ну, камера – это, безусловно, мило, Дэвид, – протянула она мурлыкающим тоном, от которого, как ей показалось, его зрачки чуть расширились. – Но давайте вспомним контекст: стресс, риск для жизни... И, главное, – она понизила голос до трагического шепота, – потенциально упущенная сенсация.

Кэти шагнула ближе к витрине, приложив руку к подбородку.

– Боюсь, одной камеры, даже самой лучшей, будет преступно мало для исцеления душевной травмы. Вы же понимаете, что корпус – это всего лишь компьютер? А хорошая

оптика стоит... – Миллер выразительно посмотрела на его идеально отглаженный лацкан, – ...очень нескромно.

Ее палец поочередно указал на трех титанов: флагманский Canon, скорострельный Nikon и ультралегкий Sony.

– Я думаю, – провозгласила она с видом человека, выносящего вердикт, – что для полного удовлетворения моих профессиональных, моральных и, не побоюсь этого слова, эстетических потребностей понадобится... весь триптих. Разумеется, с полным набором объективов: «эльками» для Canon и парой фиксов для Sony.

Миллер скрестила руки на груди и посмотрела на него с вызовом.

– Ну как, Дэвид, потянете?

Внутри затрепетало от гремучей смеси азарта, предвкушения и страха, что она перегнула палку.

«Ну же, мистер Безупречность. Сдай назад. Возмутись. Будь скучным».

Дэвид перевел взгляд с сияющих объективов на дерзкую позу Кэти, задержался на насмешливом блеске глаз. Его лицо оставалось бесстрастной маской, но в холодной радужке вспыхнул интерес, смешанный с весельем. Он кивнул, оценивая масштаб наглости.

– Весьма... масштабный подход, Кэти. Триптих? Обычно художники идут к подобным формам годами. Вы уверены, что ваша творческая натура выдержит груз такого... технического изобилия? Или это краш-тест моей финансовой

устойчивости?

Миллер пожала плечами, стараясь сохранить маску скупающей дивы.

– Ну... знаете ли, Дэвид, – импровизировала она, загибая пальцы. – У каждого инструмента своя партитура. Первая камера – для студии: идеальный свет, статика, максимальная детализация. К ней мы возьмем 85-миллиметровый портретник с диафрагмой 1.2. Вторая, компактная – для репортажа, для «гонзожурналистики». Тут важен светосильный зум, чтобы ловить кадры в любой дыре, куда меня занесет судьба.

Кэти кокетливо наклонила голову и стрельнула в него глазами из-под ресниц.

– А третья исключительно для души. Для тех хрупких моментов, когда хочется поймать красоту несовершенного мира. Разве я не заслуживаю самую капельку красоты после того хаоса, который вы внесли в мою жизнь?

Дэвид молчал. Секунда. Две. Три. Его взгляд скользил по ее лицу. Миллер показалось, что он видит весь ее дешевый блеф и попытку вывести его из равновесия.

– Что ж, Кэти, – протянул он с ноткой почти аплодирующего признания. – Способность обосновать каприз высокими материями... редкий дар.

Дэвид чуть улыбнулся, и его улыбка показалась ей опаснее любой угрозы.

– И кто я такой, чтобы душить музу бюджетными ограничениями? Особенно когда муза так очаровательна в своем

праведном вымогательстве.

Кэти потеряла дар речи.

«Он согласен?»

Дэвид, не давая ей опомниться, плавно развернулся к продавцу-консультанту, который наблюдал за ними с видом человека, смотрящего теннисный матч между двумя ураганами.

– Вы слышали леди, – отрезал он голосом, в котором зазвенела такая властность, что продавец выпрямился по струнке. – Оформляйте.

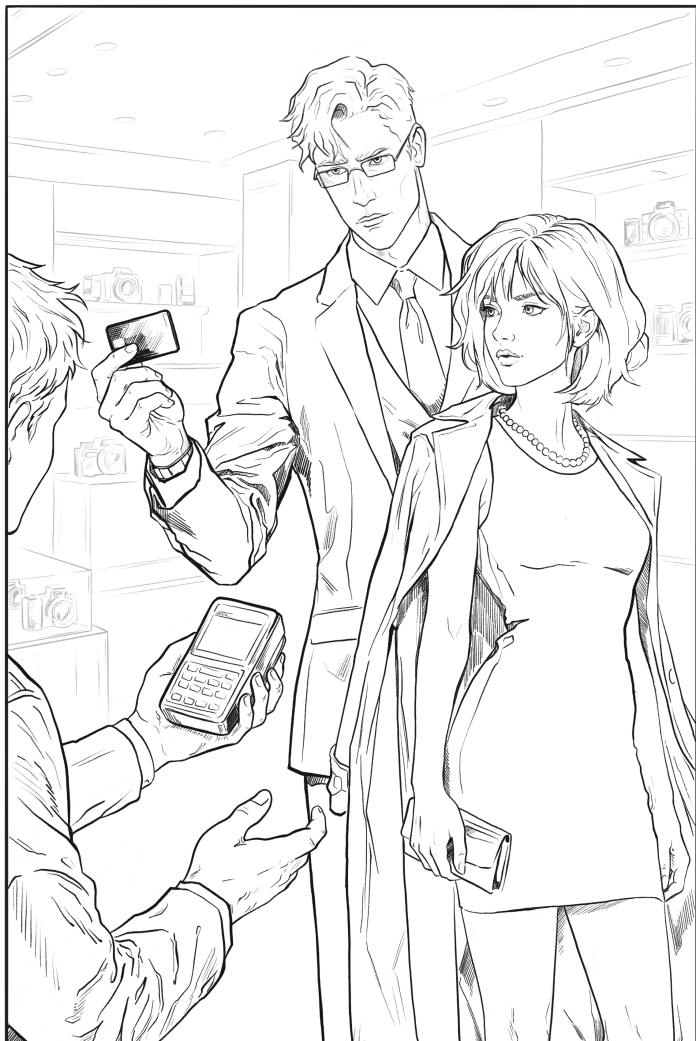
– Простите, сэр... – парень нервно сглотнул. – Вы имеете в виду... какую-то конкретную м-модель?

– Я имею в виду все, на что она указала. Те три, – Дэвид сделал небрежный жест рукой. – И, будьте любезны, укомплектуйте их по высшему разряду. Лучшая оптика, быстрые карты памяти, дополнительные аккумуляторы, кофры, штативы... Обеспечьте полный профессиональный арсенал, – он на секунду повернул голову к Кэти, и в глазах мелькнула холодная искра. – И, пожалуйста, не экономьте. Цена не имеет значения, когда речь идет о приобретении чего-то действительно уникального.

Миллер окаменела, не в силах пошевелиться. Взгляд скользнул к стеклянной витрине. В отражении стояла не роковая женщина, а избалованный ребенок, который устроил истерику в магазине игрушек, а уставший взрослый просто купил ему весь отдел, лишь бы тот заткнулся.

Продавец, получивший команду «фас», двигался со скоростью света. На прилавке росла башня из глянцевых коробок. Кэти прислонилась спиной к витрине. Ее циничная, прагматичная часть ликовала – справедливость (в извращенном понимании) восторжествовала, ущерб возмещен с процентами, о которых она и мечтать не смела. Но другая часть, гордая и уязвимая, корчилась в агонии. Но чего уж там скрывать, ей нравилось спокойствие Дэвида. Нравилось, что он принял ее наглость – не как оскорбление, а как развлечение. И, что самое страшное, ей до дрожи льстило восхищение, которое она читала в его дымчато-серых глазах.

Когда продавец закончил собирать коробки техники, сумма на терминале высветилась такая, что у Миллер невольно приоткрылся рот – на эти деньги можно было купить приличный автомобиль. Или оплатить четыре семестра в Колумбийском.

Дэвид извлек из внутреннего кармана платиновый картхолдер и протянул продавцу безлимитную черную карту с тем же выражением лица, с каким люди покупают жвачку на заправке. Терминал пискнул, выплевывая длинный чек. Продавец, все еще пребывая в легком шоке, протянул стилус и планшет для подписи.

– Прошу вас, сэр...

Дэвид небрежно черкнул по экрану, и Кэти почувствовала болезненный укол в груди. Он был из лиги, где деньги перестают быть деньгами и становятся инструментом. И она только что заставила этот инструмент на нее работать. Но почему-то чувствовала себя не победительницей, а должницей.

– Сэр, мисс, – продавец деликатно кашлянул, глядя на коробки. – Оборудования много. Стандартная процедура доставки – завтра в течение дня.

– Зачем ждать? – бросил Дэвид. – Оформите экспресс. В течение двух часов все должно быть у нее.

– Нет, – резко возразила Кэти. – Не нужно экспресс. Меня не будет дома.

Она повернулась к продавцу, стараясь игнорировать вопросительно приподнятую бровь Дэвида.

– Завтра утром. С девяти до одиннадцати. Будет идеально.

Продавец бросил вопросительный взгляд на Дэвида, тот кивнул.

– Как скажете, мисс, – парень застучал по клавиатуре. – Мне нужен адрес.

Кэти на секунду замялась.

– Трайбека, Гринвич-стрит, 88, – быстро сказала она, – лофт 20В. Миллер.

– Оформлено, – просиял продавец, вручая ей копию чека.

Спустя несколько минут они вышли из магазина, и Кэти ощутила странную пустоту. Руки были свободны, но на плечи давила тяжесть. Она хотела борьбы. Споров. Возмущения. Доказательств, что задела его за живое. А Дэвид вместо битвы предложил унижительную, скучающую щедрость.

– Итак, – подытожила она, стараясь, чтобы голос звучал легко, – справедливость восстановлена, баланс во вселенной соблюден? Полагаю, наша... сделка закрыта? И мы расходимся до следующего ДТП?

– Закрыта? – переспросил Дэвид, снимая с лацкана пиджака несуществующую пылинку. – Вы торопитесь, Кэти. Хотя... спешка выглядит неоправданной.

Он сделал шаг к ней, приблизившись ровно настолько, чтобы она ощутила запах его парфюма.

– Вы перенесли доставку на утро, – вкрадчиво напомнил он. – Сослались на то, что вас... «не будет дома».

Кэти открыла рот, чтобы возразить, но не смогла придумать оправдание.

– Любопытная деталь, – продолжил Дэвид. – Наводит на мысль, что ваш вечер... свободен. Или, возможно, вы наме-

ренно оставили его пустым? В ожидании, — он посмотрел ей прямо в глаза, — неизбежного продолжения?

Кэти почувствовала, как жар заливает щеки.

— Я...

— Не нужно, Кэти. Ваша маленькая ложь... мне льстит, — Дэвид слегка улыбнулся. — Потому что я сделал то же самое.

Воздух между ними стал тяжелым и вязким, как раскаленный мед.

— К тому же, — соблазнительным шепотом продолжил он, — наша безусловно удачная сделка требует достойного, я бы даже сказал, изысканного финала. Я буду крайне огорчен, если такая талантливая, дерзкая и... — его взгляд опалил ей губы, — ...невероятно притягательная журналистка останется без ужина. И, возможно, без бокала хорошего вина.

Дэвид смотрел на нее так, словно она была единственным живым объектом во вселенной, и эта иллюзия исключительности ударила Кэти прямо в грудь.

— Поэтому я предлагаю вам отпраздновать приобретение, — он чуть склонил голову, глядя ей прямо в глаза. — Что скажете, Кэти? Не откажете же вы человеку, который только что проявил по отношению к вам такую... финансовую щедрость?

Последняя фраза сквозила иронией, но вызов был брошен. Сердце Миллер забилося чаще, а по коже пробежала возбуждающая дрожь. Его присутствие, этот низкий, обволакивающий баритон и уверенность просто пленили.

Голос разума истерично кричал: «Беги!»

Голос азарта вкрадчиво шептал: «...Рискни»

Кэти прерывисто вдохнула, чувствуя, как адреналин вытесняет здравый смысл.

– А что, – выдохнула она, – звучит как чертовски соблазнительная ловушка, Дэвид. И, признаться, я умираю от голода.

– В таком случае доверьтесь моему вкусу.

Дэвид сделал полшага к ней и с безупречной старомодной галантностью, в которой сквозила едва уловимая насмешка над современными нормами, предложил ей локоть.

– Прошу вас.

Кэти, чувствуя себя героиней нуарного фильма, где следующий кадр может быть как поцелуем, так и выстрелом, просунула руку под локоть. Дэвид повел ее к припаркованному «Майбаху», подстраиваясь под шаг спутницы, но задавая направление. Подойдя к машине, он открыл заднюю дверь и остановился, блокируя путь. Миллер подняла на него глаза.

– Готовы ко второму акту нашего знакомства, Кэти? – спросил он, и вопрос прозвучал как обещание греха.

Прежде чем она успела ответить, Дэвид многозначительно подмигнул. Кэти нервно рассмеялась, чувствуя, как щеки заливают румянец.

– Более чем, мистер...

Миллер осеклась, внезапно осознав абсурдность ситуации: она садилась в машину к мужчине, которого совсем не

знала, но чья рука на талии казалась куда уместнее, чем вежливая игра в слова. Бабочки в животе превратились в эскадрилью истребителей.

Кэти скользнула в салон. Дэвид сел за руль, и автомобиль плавно тронулся, унося их вглубь Манхэттена. Свет вечернего города скользил по его профилю, выхватывая из полумрака острые скулы и сосредоточенный взгляд.

– Надеюсь, джаз не входит в список ваших предубеждений, Кэти? – нарушил он молчание, не отрываясь от дороги. – Место, куда мы направляемся, славится... редким умением заставлять людей слушать.

Миллер чуть наклонила голову, имитируя раздумья, но взгляд невольно замер на длинных, ухоженных пальцах, уверенно сжимающих руль. На левом мизинце тускло мерцал массивный перстень. Сиреневый камень в тяжелой оправе при каждом движении менял оттенок на глубокий фиолетовый.

– Смотря какой джаз, Дэвид. И, что важнее, смотря какая компания, – ответила она с дразнящей интонацией. – Главное, постарайтесь, чтобы там не было... скучно. Скука – единственный грех, который я не прощаю. Ни мужчинам, ни обстоятельствам.

Дэвид посмотрел на нее в зеркало заднего вида и снова сосредоточился на дороге.

– Гарантирую, Кэти. Сегодняшний вечер врежется вам в память.

В его тоне прозвучала такая непоколебимая уверенность, что Кэти против воли поверила ему. Со стороны они, наверное, выглядели идеальной парой с глянцевой обложки: успешный, опасный мужчина и его молодая, дерзкая спутница, мчащиеся навстречу ночи. Клише, которое Кэти Миллер всегда презирала, идеально ложилось на плечи, опьяняя кровь. Куда заведет эта безумная игра? И кто в конце концов установит в ней свои правила?

Глава 9. Побег из Гринвича, или Почему быть личным водителем для эгоиста приятнее, чем надеждой династии Вандербильтов

Софи стояла перед массивной дверью семейного особняка в Гринвиче, давая себе секунду на ментальную перекалибровку. Исчезала студентка, изучающая человеческие души, и возвращалась идеальная *дочь*. Надежда династии.

– Держи лицо, – едва слышно прошептала она, толкая дверь.

Холл встретил запахом лилий и полироли для красного дерева. С лестницы, ведущей на второй этаж, донесся топот маленьких ножек, и к ней подлетели два кудрявых вихря, едва не сбив с ног.

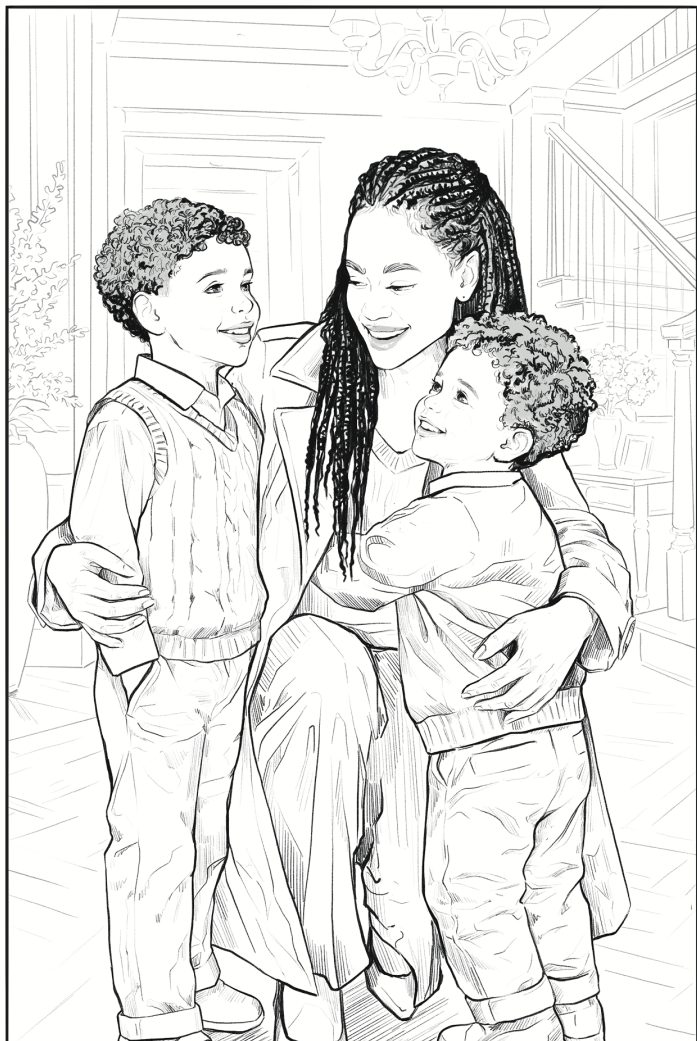
– Софи приехала! – завопил четырехлетний Сэмми, обхватывая левую ногу старшей сестры.

– Ты привезла набор с вулканом? – деловито поинтересовался шестилетний Чарли, повиснув на правой.

Софи, едва удержав равновесие, рассмеялась и присела на корточки, оказываясь на одном уровне с их карими озорными глазами.

– Вулкан будет, если вы пообещаете не проводить экспе-

рименты с лавой на ковре в гостиной, – шепнула она, взъерошив непослушные кудряшки братьев.

– Чарльз, Сэмюэль, дайте сестре войти.

Голос Вивьен Сент-Клэр, спускающейся по широкой лестнице, прозвучал взвешенно, как во время оглашения вердикта. Федеральный судья даже в домашней обстановке выглядела готовой надеть мантию: кашемировый кардиган, идеальная осанка и взгляд, привыкший искать несоответствия в показаниях.

– Привет, мам, – Софи выпрямилась, возвращая лицу выражение вежливой почтительности.

Вивьен подошла и положила руки дочери на плечи, внимательно осматривая ее лицо.

– Ты выглядишь утомленной, Софи. Недостаток сна негативно сказывается на когнитивных способностях. Надеюсь, ты принимаешь витамины, которые тебе выписали?

– Да, мам. Все по графику.

– Хорошо. Ты же сама знаешь, дисциплина – основа здоровья. Идем в столовую, ужин уже готов.

Столовая Вандербильтов напоминала зал заседаний ООН, только с лучшим фарфором. Во главе стола сидел Джонатан. В свои пятьдесят с небольшим он оставался живой рекламой американской мечты: подтянутый, с благородной сединой на висках и харизмой, которая заставляла людей замолкать, когда он входил в комнату.

Увидев Софи, отец отложил планшет и поднялся.

– Моя гордость, – сказал он, обнимая ее. – Готова к зав-

трашнему старту? Семестр обещает быть насыщенным.

– Абсолютно, папа, – ответила Софи, чувствуя напряжение в плечах. – Расписание составлено, литература получена.

– Психология... – задумчиво протянул Джонатан, возвращаясь на место. – Я все еще жалею о Принстоне, Софи. Аналитика данных и математика дают твердую почву под ногами. А человеческая психика – сплошные непредсказуемые переменные. Но... понимание человеческой натуры – ключевой навык в политике. Будем считать это твоей стратегической подготовкой.

Софи промолчала, садясь за стол и аккуратно расстелив салфетку.

– Кстати, – отец отделил вилкой белоснежный кусок чилийского сибаса, – как Кэтрин? Я звонил Ричарду на днях, хотел пригласить на гольф, но он не перезвонил. Это на него не похоже. У них все в порядке?

– Абсолютно, – пожала плечами Софи, разрезая спаржу. – Кэти готовится к курсу по журналистике. А Ричард с Мэри по возвращении Кэт в город уехали в *Паунд-Ридж*. Скорее всего, он устроил выходные без связи. Ты же знаешь, как мистер Миллер выматывается после закрытия сделок.

– Ричард Миллер сжигает себя, вечно балансируя на краю, – заметила Вивьен, элегантно поднося бокал с водой к губам. – Подобная тяга к неоправданным финансовым авантюрам всегда меня... настораживала.

Джонатан тихо рассмеялся, аккуратно промокая губы сал-

феткой.

– Напрасно ты видишь здесь только риск, Вив. Для Ричарда все дело в интуиции. И, признай, именно их с Мэри умение жить моментом когда-то растопило твой лед.

– О, Куршевель, – чуть заметно улыбнулась Вивьен. – Наш отдых в Les Airelles.

Софи замерла с ножом над спаржей и с интересом подняла глаза. Истории о молодости родителей звучали за семейным столом крайне редко.

– Мы с твоим отцом тогда уже были обручены, – Вивьен изящно отложила приборы, – а Ричард только собирался сделать Мэри предложение. Он арендовал лучшую террасу, заказал музыкантов, а мне доверил незаметно вложить ему в руку кольцо, когда заиграет нужная мелодия.

– Он решил, что Вивьен с ее педантичностью справится лучше, чем его шафер, – усмехнулся Джонатан.

Вивьен покачала головой, словно до сих пор не могла простить себе ту оплошность.

– Я достаю кольцо, передаю Ричарду под столом, наши руки неловко сталкиваются... и бриллиант за баснословную сумму с издевательским звоном падает вниз, проваливаясь в щель между досками настила.

– Я думал, твоя мама прямо на месте вынесет себе смертный приговор, – вставил Джонатан, разрезая спаржу.

– Ричард бледнеет, я сижу ни жива ни мертва, не зная, как начать извиняться, на лице твоего отца уже читается непре-

клонное «виновна». А Мэри...

– А Мэри, увидев наши лица, оценила масштаб паники, – Джонатан отложил вилку, увлекшись воспоминанием, – вытащила из прически длинную шпильку и начала ковыряться в той щели. Минут через десять она выудила кольцо, сдула с него пыль, посмотрела на Ричарда и сказала: «Если ты сейчас же не спросишь, согласна ли я, я сдам кольцо ювелиру и закрою кредит за курс ландшафтной архитектуры».

Джонатан и Софи искренне рассмеялись.

– С того дня они ездят в Les Airelles на каждые рождественские выходные, – с легкой улыбкой подытожила Вивьен, снова берясь за ножку бокала. – Они оба умеют превращать любую катастрофу в... – улыбка мгновенно сошла с ее лица, уступив место болезненной неловкости.

Софи опустила взгляд в тарелку, прекрасно понимая, о чем вспомнила мать. Трагедия, расколовшая жизнь Миллеров на до и после, трагедия, которую не исправить никакими шутками. В столовой повисла удушливая тишина, нарушаемая лишь возней Чарли и Сэмми. Вивьен прикрыла глаза, коря себя за неосторожное слово.

– Да... – отозвался Джонатан, прочистив горло и уводя разговор в безопасное русло. – Йель, девяносто четвертый. Ты же знаешь, Софи, что мы с Ричардом были соседями по комнате. Я – застегнутый на все пуговицы, боялся лишний раз вздохнуть, чтобы не бросить тень на фамилию. А Ричард...

Джонатан усмехнулся, качая головой.

– Ему было абсолютно плевать на правила и репутации.

Миллер жил так, словно у него в запасе еще три жизни. Помнишь ту историю с покером, Софи?

– Конечно, пап, – слегка улыбнулась она.

– Ричард проигрался в пух и прах. Ему грозило отчисление. И я, будущий сенатор, который никогда не нарушал устав, полез в архивы, нашел прецедент 1950 года и доказал декану, что игра была спровоцирована.

– Ты создал прецедент безнаказанности, – констатировала Вивьен, вставая и подходя к испачкавшемуся Сэмюэлю.

– Я спас друга, Вив.

Софи наблюдала, как мать вытирает соус с лица брата, и поймала себя на том, что не помнит, когда та вытирала лицо ей. В памяти всплыл запах накрахмаленного фартука мисс Эйвери, первой няни. Сухие деловитые руки, которые стирали с детского лица следы шоколада или джема. «Быстрее, Софи, мы опаздываем на верховую езду». «Не капризничай, после часа за роялем у тебя дебаты». Родители были всегда, но... только на фотографиях, в телефонных звонках, в расписании, которое они утверждали. Они строили карьеры, а няни и гувернантки строили Софи Вандербильт.

– Мам, я хочу шоколадный мусс! – капризно прохныкал Чарли и потянулся к десертной вазочке, стоящей в центре стола.

– Чарльз, – голос Вивьен не повысился ни на децибел, –

у тебя аллергическая реакция на какао-бобы. Последствия: сыпь, отек, прием антигистаминных препаратов. Ты хочешь снова ехать в клинику?

– Да, я хочу! – заерзал на месте Чарли.

– Желания не должны перевешивать здравый смысл, Чарльз, – вздохнула Вивьен, отходя от Сэмюэля.

Глядя на Чарли, который просто хотел шоколадный мусс, Софи поняла, что завидует. Не потому, что братьям доставалось больше тепла. А потому, что они все еще умели хотеть. Их мир еще не был расчерчен на «нужно», «должна» и «целесообразно».

Софи заметила, как у брата дрожат губы, и мягко перехватила его ладошку.

– Эй, дружок. Шоколад нельзя. Но... – она подмигнула ему, – ...я видела на кухне клубнику. Если вы с Сэмми съедите спаржу, я договорюсь о поставке двойной порции ягод со сливками. Идет?

Чарли шмыгнул носом, и его взгляд метнулся к младшему брату. Сэм, ковыряющий вилкой зеленую палочку, поднял глаза от тарелки. Между ними состоялся безмолвный, но абсолютно понятный мужской договор: «Миссия Клубника» активирована. Жертвы неизбежны». В следующую секунду оба брата с одинаковым выражением скорби на лицах принялись за дело.

Чарли расправился с порцией первым. Он сглотнул, поморщился, а затем, увидев, что Сэм все еще мужественно

жует побег, подцепил с тарелки брата пару стеблей и отправил их в рот. Тот, увидев подмогу, с удвоенной энергией принялся работать маленькими челюстями. Софи смотрела на их командную работу ради сладкой цели, и ее сердце таяло.

– Блестящая тактика, дочь, – с одобрительным смешком заметил Джонатан, наблюдая за гастрономическим штурмом. – Ты только что создала коалицию. Бесценный навык для политика.

Он смахнул невидимую крошку со скатерти и перевел взгляд на дочь.

– Кстати, Йен звонил. У него большие планы на сезон. Парень буквально горит игрой, мне нравится его напор.

При упоминании Йена спина Софи рефлекторно выпрямилась еще сильнее.

– Да, папа. Он... очень целеустремленный.

– Мы с его матерью на прошлой неделе посетили благотворительный бранч, – добавила Вивьен. – Знаешь, Софи, на вас с Йеном приятно смотреть. Вы оба амбициозные, с правильными ценностями... Очень гармоничная пара.

«Гармоничная пара».

Софи сделала глоток воды, чтобы смыть привкус удушающей правильности.

– Мы очень тобой гордимся, милая, – добавил Джонатан. – Ты ведь знаешь, что ты задаешь планку для младших. Глядя на тебя, на твои успехи, на ваши с Йеном отношения, они видят правильный пример. Ты – наш эталон, Софи.

– Я знаю, папа. Я не подведу

Ужин подходил к концу. Младшие братья, расправившись с обещанной клубникой, выглядели сонными, но абсолютно довольными. Сэмми, у которого на подбородке белел крошечный след от сливок, потер глаза и с надеждой посмотрел на отца.

– Папа, а ты считаешь нам сегодня? Про драконов?

– Разумеется, – ответил тот, вставая из-за стола. – Идем, воины, пора в замок.

Чарли и Сэмми, забыв про усталость, наперегонки бросились к лестнице, а Джонатан, бросив на Софи теплый, усталый взгляд, двинулся следом.

– А мне нужно сделать пару звонков, – сообщила Вивьен, поднимаясь и поправляя кардиган. – Спокойной ночи, Софи.

– Спокойной ночи, мам.

Родители разошлись, и столовая опустела. Софи смотрела на пустые стулья, слышала доносящийся из детской смех братьев и чувствовала, как ее собственное детство, проведенное с нянями и репетиторами, смотрит на нее из теней.

Она медленно поднялась и направилась в свою старую комнату. Здесь все было как в день переезда в собственные апартаменты: грамоты на стенах, кубки за дебаты, идеально расставленные книги. Даже закрытый рояль у окна стоял с выверенной годами симметрией, напоминая о времени, потраченном на извлечение безупречных звуков. Музей девочек, которая никогда не ошибалась. Девочки, которая всегда

«логичная», «стабильная» и «правильная».

Софи подошла к зеркалу. Безупречная кожа, аккуратные косички, спокойный взгляд. Она достала телефон из кармана пиджака, выключая беззвучный режим. Экран вспыхнул, показывая уведомления о непрочитанных сообщениях **«Три Грации ##»**.

Кэти ## (05:40): [Фото]

С экрана на Софи смотрела Кэти. Но не та Кэти, которая носила косухи и грубые ботинки. Миллер стояла в облегающем черном платье-футляре, и хоть поза и была уверенной, в глазах читалось несвойственное ей волнение.

Кэти ##: Вердикт? Слишком для «деловой встречи» по возмещению ущерба или в самый раз, чтобы добить? ##

Джессика ##: ОГО! КЭТ! ## Ты в платье?! Я думала, этот день никогда не настанет! Оно очень смелое! Ты выглядишь как кинозвезда из нуара!

Кэти ##: Спасибо, Джесс. ##

Кэти ##: Вандербилт, не молчи. Я вижу, что ты в сети. Хватит анализировать длину подола и искать скрытые комплексы. Мне нужно мнение! **СРОЧНО!**

Софи вздохнула, разглядывая фото.

«Жемчуг, – отметила она про себя. – Классика. Попытка показать, что она знает правила игры высшего общества. Но длина платья... чистая провокация».

Всегда смеющаяся над условностями, подруга нарядилась, чтобы впечатлить мужчину, которого знала один день.

«Тревожный симптом», – подумала Софи, набирая ответ.

Софи ##: У меня был семейный ужин.

Она еще раз взглянула на фото.

Софи ##: Платье кричит об адреналиновом голоде, Кэт.

Если «переговоры» пойдут не по сценарию – я на быстром наборе.

Она нажала «Отправить». Галочки окрасились, но ответа не последовало. Софи заблокировала экран и убрала телефон в карман, надеясь, что Кэти хватит ума не зайти слишком далеко. Хотя, зная подругу, надежда была слабой.

Резкая вибрация заставила вздрогнуть.

«Миллер?»

Софи выхватила телефон, готовая услышать пьяный смех или просьбу внести залог. Но на экране высветилось фото парня в футбольной форме.

Она выдохнула и провела пальцем по экрану.

– Да, Йен?

– Привет, детка, – в голосе парня угадывалась легкая одышка. – Слушай, я закончил пораньше. Тренер решил нас не убивать сегодня. Ты где? Подхватишь меня? А то парни уже разъехались.

Софи подошла к окну, глядя на залитый светом фонарей тротуар.

– Йен, я у родителей. В Гринвиче.

На том конце повисла пауза.

– В Гринвиче? – переспросил он с ноткой искреннего

удивления, переходящего в раздражение. – А, точно. Семейный ужин. Я забыл.

– Я говорила тебе утром, – спокойно напомнила Софи. – И вчера вечером. Я планировала остаться здесь на ночь.

– Да, да, я помню, просто вылетело из головы, – перебил он. – Черт. Ладно.

Послышался звук открываемой банки с изотоником.

– Ну, тогда вызову Uber. Просто... думал, проведем вечер вместе. Я совсем никакой, колено ноет. Думал, закажем тайскую еду, посмотрим что-нибудь... Не хотелось сидеть одному в пустой квартире. Но раз ты занята семьей...

Софи прижалась лбом к холодному стеклу. С одной стороны – дом, где каждый шаг выверен, где она – «эталон» и «надежда» и где воздух пропитан ожиданиями родителей, которым она обязана соответствовать. Остаться здесь – значит лечь в свою старую кровать и до утра чувствовать себя маленькой девочкой, которая боится разочаровать папу. С другой стороны – Йен. Предсказуемый, эгоцентричный, требующий заботы, но... ее собственный выбор. С ним она была просто девушкой, которая нужна. Пусть даже в качестве водителя и компании для поедания лапши.

– Йен, – прервала она тишину.

– М?

– Жди. Буду через час. Если пробок нет – минут через сорок.

– Серьезно? – голос Уортингтона повеселел. – Ты лучшая,

детка! Я знал, что на тебя можно рассчитывать. Тогда я в душ и жду тебя на парковке. Люблю!

Он отключился, не дожидаясь ответа. Софи медленно опустила телефон.

«На тебя можно рассчитывать».

Вот она, формула ее жизни. Быть надежной, удобной и там, где нужно другим. Она взяла сумочку, бросила прощальный взгляд на комнату и вышла в коридор.

Проходя мимо детской, Софи остановилась. Из-под двери пробивалась тонкая полоска света, а изнутри доносились звуки приглушенной возни и хихиканье. Она тихонько нажала на ручку и приоткрыла дверь. Свет под одеялами мгновенно погас. В комнате воцарилась тишина, прерываемая преувеличенно громким сопением с двух кроватей.

Софи невольно улыбнулась.

– Отбой тревоги, это я, – негромко сказала она, заходя в комнату.

Одеяла тут же откинулись, и два луча от детских фонариков ударили в потолок, выхватывая из темноты взъерошенные кудряшки.

– Софи! – радостно зашептал Сэмми, садясь на кровати.

– Мы подумали, что мама пришла проверять режим, – признался Чарли, но при виде сумки в руках сестры улыбка сползла с лица. – Ты уезжаешь?

– Да, малыш. Появились срочные дела, – мягко ответила Софи, присаживаясь на край кровати и поправляя сбившее-

ся одеяло. – Зашла попрощаться.

– Нет! – обиженно протянул Сэмми, шмыгнув носом. – Мы хотели утром строить с тобой базу для ниндзя!

Софи почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

– Я обещаю, что мы построим самую крутую базу в мире в следующие выходные.

– Ловим на слове, – серьезно кивнул Чарли.

– А теперь спите, – Вандербильт наклонилась и поцеловала Чарли в теплую макушку, затем подошла к Сэмми и поцеловала его. – И спрячьте фонарики подальше, пока мама действительно не устроила инспекцию.

Она вышла из детской, аккуратно прикрыв за собой дверь, и с тяжелым сердцем спустилась по широкой лестнице. Внизу, в гостиной, родители смотрели новости.

– Софи? – удивилась Вивьен. – Ты уезжаешь?

– Прости, мам. Планы изменились, – ответила Софи, застегивая пуговицу. – У Йена... возникли небольшие проблемы с коленом. Попросил забрать.

– В такое время? – Вивьен нахмурилась. – Софи, он взрослый мужчина и может вызвать такси.

– Оставь, Вив, – подал голос Джонатан, не отрываясь от экрана телевизора. – Софи просто проявляет лояльность. Партнерство всегда требует вложений времени и сил.

Он повернул голову к дочери и одобрительно кивнул.

– Поезжай. Будь осторожна на дороге.

– Конечно, пап. Спокойной ночи.

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась за спиной, отсекая запах лилий и груз ответственности. Софи села в Range Rover, бросила сумку на пассажирское сиденье и на секунду закрыла глаза, положив лоб на руль. Лояльность.

Софи Вандербильт вырулила с подъездной дорожки, оставляя позади семейный особняк и устремляясь к парню, который воспринимал ее заботу как должное.

Глава 10. Приватность ценой в состояние, или Тот неловкий момент, когда твой «мистер Икс» оказывается с обложки Forbes

«Майбах» бесшумно пришвартовался у обочины тихой улочки в самом сердце Гринвич-Виллидж. Никакой вульгарной суеты – лишь скромная, потускневшая от времени латунная табличка с витиеватой гравировкой «Le Chat Noir» и физическое ощущение эксклюзивности.

Дэвид неторопливо обошел машину и с безукоризненной галантностью распахнул перед Кэти дверь.

Выйдя из салона, Миллер огляделась, и уголок губ дернулся в узнавании.

«Черт возьми. Le Chat Noir. Серьезно?»

Именно тут ее отец, распираемый гордостью от закрытия первой «сделки века», ужинал с Джонатаном Вандербильтом. Пока мужчины делили мир под звон хрусталя, а маленькая Софи с каменным лицом ковыряла фуа-гра, Мэри Миллер, нервно сжимая ножку бокала, шипела Кэти на ухо, какой вилкой есть устриц, чтобы «не опозориться перед элитой».

Здесь была территория настоящих «старых денег» – за-

крытый клуб, где фамилии вроде Вандербильт открывали любые двери без стука, а платиновая карта ее отца являлась лишь пропуском в задний ряд. Сюда не врывались с улицы, размахивая кредитками. Сюда входили только по кивку тех, чьи предки строили этот город.

Кэти натянула на лицо маску скучающего цинизма.

– Le Chat Noir, – обронила она с оттенком разочарования. – Весьма... ожидаемо для человека вашего круга, Дэвид. Старые деньги, старые стены и, полагаю, такая же старая винная карта.

– Вам знаком Le Chat Noir, Кэти? – мягко поинтересовался Дэвид, поворачиваясь к ней. – Признаться, я удивлен. У заведения репутация... крайне закрытого места. Не подозревал, что бюджеты независимой прессы позволяют заглядывать в залы, где членский взнос превышает гонорары большинства репортеров.

Кэти лениво повела плечом, всем видом показывая, что вопрос денег для нее такая же пошлость, как и разговоры о погоде.

– О, Дэвид, вы мыслите... бухгалтерскими категориями, – протянула она. – В моем бизнесе валютой является информация и доступ, а не доллары.

Миллер посмотрела ему прямо в глаза, молясь, чтобы он ее не раскусил.

– Когда охотишься на крупную дичь, приходится заходить в самые дорогие заповедники. Я бывала здесь. С людьми, ко-

которые очень хотели, чтобы их история была рассказана правильно. Или наоборот, – она хищно улыбнулась, – чтобы она никогда не была рассказана. Роскошь меня не пугает, Дэвид. Она меня... утомляет. Грязь лучше всего искать там, где слишком чисто, не так ли?

– Разумеется, Кэти, – ответил Дэвид, поправляя очки. – Жизнь талантливого журналиста, несомненно, требует... мимики.

Его пальцы скользнули по внутренней стороне ее запястья.

– Любопытно оценить вашу адаптивность в действии.

Они шагнули внутрь, и дубовая дверь отсекала шум Нью-Йорка. Зал встретил их ароматом антикварного дерева, воска и наследных капиталов. Мягкое сияние хрустальных люстр тонуло в интимном полумраке, а доносящийся со сцены джаз обволакивал бархатом. Но поразила Кэти не роскошь. Клуб пустовал.

– Добрый вечер, мистер Эшфорд, – с почтительным придыханием поздоровался седовласый метрдотель. – Ваш столик готов. Прошу за мной.

Фамилия взорвала воздух.

«Эшфорд».

Мир вокруг Кэти качнулся, и реальность с болезненной резкостью обрела четкость.

«Дэвид Эшфорд».

Одно имя превратило интригующее приключение в ката-

строфу. Хаос в голове упорядочился в жуткое понимание: она добровольно шагнула в клетку к самому опасному хищнику Нью-Йорка.

Вот почему его высеченный профиль и холодный, оценивающий взгляд казались такими знакомыми. Она видела его не в светской хронике, где мелькают пьяные наследники. Он смотрел на нее с обложки Forbes и со страниц New York Times – герой резонансной статьи о том, как арт-дилер в одиночку перекроил весь рынок аукционов. Фамилия Эшфорд была на слуху у каждого. Черт возьми, кто в Нью-Йорке ее не знал? Его сделки меняли историю искусства.

Кэти бросила панический взгляд на своего спутника. Он шел рядом, невозмутимый, уверенно держа ее под руку, и только сейчас она осознала масштаб разницы между ними. Если Le Chat Noir служил заповедником для «старых денег», то Дэвид был тем, перед кем здешняя аристократия склоняла головы в надежде узнать, что сегодня назначено шедевром и куда вложить миллионы. Он не был наследником империи – он сам являлся империей. Создатель королей, чей вердикт определял судьбы мировых коллекций. Человек-легенда, на которого Джессика молилась как на божество.

Миллер ощутила, как ноги наливаются свинцом. Она только что с легкостью уличной аферистки играла в кошки-мышки с тем, кто покупает подлинники Рембрандта так же буднично, как другие – утреннюю газету.

Заметив, что спутница едва не споткнулась на ровном ме-

сте, Дэвид чуть склонил голову.

– Я ценю приватность, Кэти. Нам предстоит... содержательный разговор.

– Вы... – Кэти невольно замедлила шаг. – Вы закрыли Le Chat Noir? В прайм-тайм? Но это же... немыслимо.

– Всего лишь вопрос гигиены общения, – уклончиво отозвался Дэвид.

Он сократил дистанцию, и его голос, лишенный светской официальности, стал вкрадчивым и густым.

– К тому же... разве женщина вашего калибра не заслуживает эксклюзивного внимания? И полной тишины в эфире?

Щеки Кэти вспыхнули. Она слышала комплименты сотни раз – от пьяных студентов в барах, от самоуверенных плеябоев, привыкших получать желаемое. Обычно лесть отскакивала от нее, как теннисные мячики от стены.

Но сейчас...

Слышать подобное от него? От человека, чей взгляд препарировал мировые шедевры и видел суть там, где другие замечали лишь слой краски? Его признание весило тонну. Не дежурное «ты красotka». Слова прозвучали как экспертное заключение, как сертификат подлинности, заверенный самим дьяволом. Миллер почувствовала себя одновременно вознесенной на пьедестал и пугающе незащищенной.

– Вы... Дэвид... это чересчур, – пробормотала она, опуская глаза. – Подобная щедрость... сбивает с толку.

Дэвид кончиками пальцев коснулся ее подбородка, вы-

нуждая поднять голову.

– Не стоит, Кэти. Смушение – удел дебютанток, а вы играете в другой лиге. Не лишайте меня удовольствия быть щедрым. Считайте происходящее... поиском вдохновения, которое я рассчитываю получить от вас сегодня.

Слово «вдохновение» прозвучало не возвышенно, а порочно. Внутренний голос истерически закричал об опасности. Но другая часть – та, что жаждала адреналина и запретных плодов, – замерла в сладком оцепенении.

Почувствовав капитуляцию, Дэвид едва заметно улыбнулся и убрал руку.

– Идемте. Не будем заставлять вечер ждать.

Метрдотель проводил их к уединенному столику, скрытому в глубокой нише за тяжелой бархатной портьерой. Когда они устроились в глубоких кожаных креслах, к столу тут же подошел официант в белом кителе.

– Карпаччо из гребешка с трюфельным маслом. Затем утиную грудку с инжиром, *medium rare*, – бросил Дэвид, зная, что официант ловит каждое слово. – И пригласите Филиппа.

Официант бесшумно испарился, и через секунду рядом материализовался высокий седовласый мужчина с золотой цепью сомелье на шее.

– Мсье Эшфорд, – поклонился он. – Рад вас видеть.

– Филипп, – кивнул Дэвид. – Сегодняшний вечер исключает посредственность. Откупорьте для нас Château

Margaux. Девяностого года, – он помолчал, смакуя выбор. – У него безупречный баланс: достаточно зрелое, чтобы казаться мудрым, но все еще дерзкое, чтобы провоцировать. Полагаю, оно станет лучшим аккомпанементом для диалога. И для утки.

Сомелье почтительно поклонился, скрывая одобрение тонкого вкуса, и бесшумно растворился в полумраке зала.

Château Margaux 1990.

В памяти Кэти всплыла терраса семейного загородного дома в Паунд-Ридж. Тягучий летний вечер, влажная прохлада, поднимающаяся от реки, и тихий, счастливый смех мамы. Отец достал точно такую же бутылку из бара в честь их серебряной годовщины. Он разливал вино с трепетом, и они пили его маленькими глотками под стрекот цикад, растягивая момент семейного триумфа. Подобный винтаж Миллеры берегли исключительно для знаковых дат.

Дэвид же заказал его – и весь ужин – так небрежно, словно речь шла о рядовом бизнес-ланче. Он даже не спросил, что предпочитает она.

«Пытаешься впечатлить размахом? – подумала Кэти, чувствуя, как внутри просыпается раздражение. – Или показываешь, кто здесь главный, даже в выборе закусок?»

Она не позволила ни единому мускулу на лице дрогнуть в улыбке благодарности. Напустив на себя вид скупающего знатока, она склонила голову, лениво постукивая пальцем по белоснежной скатерти.

– Девяностый год? – переспросила Кэти. – Тяжелая артиллерия для первой встречи. В коллекции моего отца это вино проходит по категории «для исключительных случаев». Он откупорил такую бутылку только после двадцати пяти лет брака, а вторую, кажется, бережет для моего замужества. Или для конца света.

Она посмотрела Дэвиду прямо в глаза с насмешливой улыбкой.

– А мы что отмечаем? Мое чудесное спасение из-под колес? Или вы разыгрываете стандартный сценарий обольщения?

Дэвид едва заметно усмехнулся, расправляя салфетку на коленях.

– Для исключительных моментов и, разумеется, исключительных спутниц – только исключительные декорации, – парировал он мягко. – И я предпочитаю не ждать четверть века, чтобы выпить достойного вина. Ожидание опошляет вкус.

Эшфорд чуть подался вперед, скользнув взглядом на пальцы, впившиеся в ножку бокала.

– Расслабьтесь, Кэтрин. Вы держите оборону так, словно ждете нападения. Но иногда... чтобы почувствовать настоящий вкус жизни, нужно просто позволить себе вдохнуть.

В этот момент бесшумные официанты поставили перед ними тарелки с карпаччо. Но взгляд Кэти приковался к рукам Филиппа. Сомелье переливал густую, почти черную

жидкость в хрустальный декантер. Вино с глухим всплеском ударилось о дно сосуда и встретилось с воздухом. Оно закружилось, пробуждаясь, отдавая свой аромат, который мгновенно наполнил пространство.

– Ему нужно подышать, – прокомментировал Дэвид, не сводя с нее глаз. – В тесноте бутылки оно спит. А здесь... раскрывает свой истинный характер. Сложный. Глубокий. Тот, который прятался за пробкой.

Кэти показалось, что он говорит вовсе не о вине. Дэвид декантировал ее. Настойчиво вытаскивая из привычной «бутылки» сарказма. Он поместил ее в атмосферу роскоши и внимания не чтобы купить, а чтобы дать ей «подышать». Насытить кислородом. Заставить раскрыться, обнажить те ноты, о существовании которых она и не подозревала или боялась подозревать.

– *Bon appétit, Monsieur, Mademoiselle*, – тихий голос разрушил наваждение, но его эхо осталось в воздухе, пьяня сильнее алкоголя.

Сомелье сделал движение, чтобы наполнить бокалы.

– Оставьте декантер, Филипп.

Персонал растворился в полумраке. Дэвид взял декантер, и темная жидкость полилась в бокалы. Наполнив их, он поднял свой.

– Что ж, Кэти. За наше... столкновение. И за те возможности, которые оно открывает. Если, конечно, у нас хватит смелости ими воспользоваться.

«"Возможности". "Смелость". Он даже не пытается маскировать ловушку. Он знает, что я соглашусь. И это бесит меня почти так же сильно, как и возбуждает».

Кэти подняла бокал, встречая его взгляд поверх рубиновой глубины.

– За смелость, Дэвид, – сказала она и сделала глоток.

Château Margaux коснулось языка бархатом, землей и фиалкой.

– Безупречно, – оценила Миллер. – Вкус... старых денег и чужого терпения. Признаю, Дэвид, у вас есть стиль. Хотя я обычно предпочитаю напитки с более... современным характером.

Эшфорд отрезал кусочек карпаччо и отправил его в рот. Прожевал. Проглотил.

– Современность часто поверхностна, Кэти. Глубина же приходит со временем, – парировал он. – Этот вечер обещает быть... полноценным погружением. У меня, как вы понимаете, есть редкая возможность расширить ваши горизонты. И поверьте, элитные вина – лишь вершина айсберга.

Пытаясь скрыть замешательство, Кэти взяла вилку и подцепила слайс гребешка, утопающий в золотистом масле.

– Кэтрин Миллер, – тягуче выдохнул Дэвид.

Кусочек гребешка, казалось, встал поперек горла.

«Он запомнил».

– Звучит... многообещающе. Удивительный контраст стали и шелка, – Дэвид чуть подался вперед. – Так скажите мне,

Кэтрин Миллер, в какую игру мы играем?

– Я не понимаю, – она замерла, сжимая вилку.

– О, вы прекрасно понимаете, – поправил он. – Я хочу знать, почему такая умная и... – взгляд снова скользнул по ее лицу, задерживаясь на губах, – ...пугающе эстетичная девушка упорно делает вид, что не осознает, с кем именно делит этот вечер?

– А почему вы так уверены, что я притворяюсь? – спросила Кэти, откладывая прибор с резким металлическим стуком.

– Предсказуемый маневр, Кэтрин.

Дэвид наколот на вилку ломтик трюфеля, повертел его перед глазами, а затем съел.

– Вы пытаетесь перехватить инициативу вместо того, чтобы дать прямой ответ. Профессиональная привычка прятаться за встречными выпадами?

Тишина между ними стала плотной и вязкой.

– Вы заметно нервничаете, – продолжил он. – И мне любопытно – почему? Вас пугает перспектива честного ответа, или... вы настолько увлеклись игрой в неведение, что боитесь из нее выходить?

Кэти почувствовала, как начинают потеть ладони.

– А вы... уверены, что моя осведомленность о вашей персоне так сильно вам важна? – выпалила она. – На Манхэттене тысячи успешных мужчин. Фамилия Эшфорд... да, признаю, звучит довольно знакомо.

Миллер набрала в грудь воздуха и добавила с ядовитой сладостью:

– Я, к сожалению или к счастью, не слежу за каждым шагом арт-дилеров. У меня есть дела куда увлекательнее, чем изучение страниц светской хроники или списков Forbes.

Она попыталась усмехнуться, надеясь придать словам веса, но под его немигающим взглядом мышцы лица одеревенели. Усмешка вышла жалкой.

Дэвид прищурился. Ее дерзость его явно забавляла, но в глубине глаз промелькнула сталь.

– В таком случае, Кэтрин Миллер, – он понизил голос, – если мое имя для вас действительно не более чем строчка в газете, ответьте мне – предельно честно – всего на один вопрос.

Из полумрака бесшумно вынырнули официанты. Они мгновенно очистили стол и поставили основное блюдо: утиная грудка с инжиром. Пряный аромат мяса заполнил нишу и показался Кэти удушающе неуместным. Дэвид даже не шелохнулся, полностью игнорируя суету персонала.

– Вы здесь, со мной... – он сделал паузу, пока Миллер гипнотизировала темный соус в тарелке, – ...исключительно как женщина, которой интересен мужчина напротив? Или же как журналистка, которая решила, что я – кратчайший путь к громкому эксклюзиву?

Эшфорд подался вперед, и его тон стал угрожающе серьезным.

– Потому что, смею вас заверить, Кэтрин: последствия этих сценариев... несопоставимы. И я бы не советовал ошибиться с выбором.

«Так вот оно что. Господи, какая же я идиотка! Он просто не хочет быть использованным».

Кэти выдохнула звуком похожим на стон. Стыд накрыл с головой, смывая остатки бравады.

– Дэвид... – неловко пробормотала она, глядя на его галстук. – Вы правы. Как только метрдотель назвал фамилию... пазл сложился. Я вспомнила обложки, статьи, аукционные хроники. Я прекрасно осознала, кто вел меня под руку.

Миллер собралась с силами, чтобы сказать самое главное.

– Но клянусь вам... я здесь не ради дурацкой статьи. Честно, – она подалась вперед, пытаясь физически сократить дистанцию недоверия. – Я здесь... потому что вы меня заинтриговали. Еще там, на дороге, когда я даже не знала вашего имени. Мне просто... до безумия захотелось узнать, что будет дальше. Я здесь как женщина.

Преодолевая внутреннюю дрожь, Кэти посмотрела прямо в серую бездну за стеклами.

– Но теперь, когда карты на столе... вы интригуете меня еще больше. Кто вы на самом деле, мистер Эшфорд? Что скрывается за громкими заголовками и вашей... безупречной ледяной маской?

Дэвид взял приборы, и серебро тихо звякнуло о фарфор. Он отрезал небольшой кусочек инжира и задержал на вилке,

изучая фактуру. Показалось, даже джаз со сцены стал тягучее. Наконец, он отправил плод в рот и опустил приборы, откидываясь на спинку кресла.

– Скажем так, Кэтрин. Я одержим эстетикой. В искусстве. В жизни. И, разумеется, в людях, – стальные глаза за щитом оправы опасно сузились. – Я коллекционер. Но не только картин, а уникальных моментов. Эмоций. И редких, почти исчезающих экземпляров... человеческой натуры.

«Коллекционер? – слово царапнуло сознание. – Он считает меня трофеем, который можно повесить в золотую раму и сдувать пыль?»

– Искусство – ревнивая любовница, – Дэвид вновь потянулся к приборам и легко рассек розовую мякоть утки. – Требуется полной капитуляции. Оно способно созидать миры, дарить бессмертие... А может с той же легкостью разрушать их до основания. И иногда, как вы понимаете... одно невозможно без другого.

Он отправил кусочек мяса в рот и неторопливо прожевал, не сводя с Кэти глаз, словно демонстрируя, как искусство пожирает своих адептов.

– К чему риторика, Дэвид? – прошептала Кэти и подцепила вилкой ломтик инжира. Темный соус капнул обратно на тарелку, оставив пятно, похожее на чернильное. – Что именно вы планируете разрушить сегодня вечером? Мою добродетель? Или, может быть, ваши собственные барьеры?

Эшфорд отодвинул тарелку и поднял бокал, приглашая

Миллер сделать то же самое.

– Сценарий еще не написан, моя дорогая Кэти. Живое искусство прекрасно непредсказуемостью. Все зависит от того, насколько честно игроки готовы играть. И, что гораздо важнее... насколько далеко они осмелятся зайти.

Он посмотрел на нее поверх края бокала.

– Выбор за вами, Кэтрин.

Дэвид Эшфорд оказался куда сложнее любого лабиринта – он был, мать его, целой вселенной, полной темных углов, загадок и скрытых ловушек. И Кэти Миллер, вместо того чтобы бежать к выходу, с ужасающей ясностью поняла: она хочет заблудиться. Войти в это чертово пространство, понять его сложные правила и с наслаждением сломать их все до единого.

Без тени смущения она окинула его медленным, вызывающим взглядом. Затем, сохраняя на лице маску ангельской невинности, но с дьявольским блеском в глазах, нашла ногой под столом его ногу. И, дразняще скользя по идеально отутюженной ткани брюк, провела острым носком лодочки вверх по его лодыжке. Кэти почувствовала, как мышцы под тонкой шерстью мгновенно окаменели.

«Ты хотел правды, Дэвид? Вот она. Мой самый честный репортаж с места событий».

Светская усмешка исчезла с лица Эшфорда.

– Дерзко, – он отставил бокал и подался вперед. – Кажется, вы питаете слабость к играм с нулевой суммой. Идти ва-

банк – ваш стиль?

Кэти выдержала его взгляд, хотя кожа горела.

– Любопытно... – обронил он, изучая ее реакцию. – Где пролегают границы вашей смелости, Кэтрин?

Миллер плавно убрала ногу и демонстративно отодвинула тарелку с деликатесом.

– Риск – лучшая приправа к пресной жизни, Дэвид, – сказала она, поднимая бокал. – А я обожаю острую пищу.

Она допила вино одним глотком, как воду перед прыжком в огонь. Дэвид тихо рассмеялся, и этот звук был пропитан истинно темным удовольствием.

– В таком случае, моя неосторожная Кэти, – протянул он, – у меня есть предложение.

Он едва заметно кивнул в сторону выхода.

– Следующий акт.

В голове взвыла сирена здравого смысла.

«Миллер, ты не уезжаешь с мужчинами, которых знаешь два дня. Ты не садишься в машины к хищникам, которые смотрят на тебя как на десерт».

Она должна была встать, бросить салфетку на стол и уйти. Но Дэвид сидел напротив – расслабленный и спокойный. Он не торопил, но молчанием удерживал крепче цепей. В его глазах читалось обещание чего-то настолько острого, что отказ казался преступлением против жизни.

«Трусость, – шепнул внутренний голос. – Уйдешь сейчас – навсегда останешься правильной девочкой, которая испу-

гальсась».

— А почему бы и нет? — наконец отозвалась Кэти, маскируя дрожь вызовом. — Говорят, лучшие истории начинаются с плохих идей.

Эшфорд поднялся и небрежно бросил салфетку на стол.

— В таком случае, моя дорогая, — обронил он, глядя на нее сверху вниз, — нам нужно место, где правила пишут не метрдотели.

Официант, заметив движение, сделал шаг к столу, намереваясь предложить десертное меню, но Эшфорд остановил его жестким взглядом.

— Рискнете не оглядываться?

Он протянул руку. Кэти посмотрела на его ладонь и безупречные манжеты.

«Точка невозврата»

Она перевела взгляд на его лицо. На жесткую линию челюсти, на губы — и ее пронзила фатальная ясность: она поехала бы с ним, даже зная, что дорога приведет в ад.

— Я не смотрю назад, — выдохнула она и вложила ладонь в его.

Дэвид Эшфорд повел Кэти к выходу, уверенно увлекая ее из безопасного мира условностей в собственную реальность, где контроль принадлежал только ему, а платить за последствия он привык позже.

Кэти Миллер шла за Дэвидом, чувствуя, как шпильки утопают в мягком ковре, а ноги предательски дрожат. Но в этом

страхе было столько жизни, что она не променяла бы его ни на что на свете. Она шагнула в ночь, крепко держась за руку дьявола, и впервые в жизни ей было абсолютно все равно, что будет утром.